

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Иов, или Комедия справедливости

Мы имеем дело с автором абсолютно цельным от начала до конца.
Хайнлайн всегда обращался к читателю так,
будто апеллирует к нации в целом.

Олег Дивов

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

Иов, или Комедия справедливости

«Азбука-Аттикус»

1984

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Иов, или Комедия справедливости / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1984 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-15021-8

Классический роман зрелого Хайнлайна, задуманный им еще на заре писательской карьеры; идею подарил такой же молодой Айзек Азимов, а реализовал ее Хайнлайн спустя почти полвека, вдохновляясь религиозно-философскими сатирами Вольтера и Марка Твена. Итак, познакомьтесь с Алексом Хергеншаймером. В Полинезию он прилетел на дирижабле «Граф фон Цеппелин» и путешествует по островам на круизном судне «Конунг Кнут». Согласившись участвовать в ритуале хождения по огню, Алекс не сгорел и не обжегся, лишь ненадолго потерял сознание. Но почему, когда он очнулся, все называют его «мистер Грэхем»? Почему «Конунг Кнут» выглядит совершенно иначе и почему в этом мире нет ни одного дирижабля?.. Перевод публикуется в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15021-8

© Хайнлайн Р. Э., 1984
© Азбука-Аттикус, 1984

Содержание

1	6
2	13
3	21
4	27
5	34
6	41
7	46
8	54
9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Роберт Хайнлайн

Иов, или Комедия справедливости

Клиффорду Саймаку

*Блажен человек, которого вразумляет Бог,
и потому наказания Вседержителя не отвергай.
Книга Иова, 5: 17*

Robert A. Heinlein
JOB: A COMEDY OF JUSTICE
Copyright © 1984 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского Владимира Ковалевского, Нины Штуцер под редакцией Александры Питчер

Серийное оформление Сергея Шикина
Оформление обложки Владимира Гусакова
Иллюстрация на обложке Майкла Уэлана
Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.

© В. Ковалевский, Н. Штуцер (наследники), перевод, 2018
© С. В. Голд, послесловие, 2018
© А. Питчер, примечания, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА®

1

...Пойдешь... через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя.

Книга пророка Исаии, 43: 2

Яма, доверху наполненная раскаленными углями, имела двадцать пять футов в длину, десять в ширину и, вероятно, около двух в глубину. Огонь в ней поддерживался уже много часов. От пылающих углей шел такой обжигающий жар, который казался совершенно непереносимым даже там, где сидел я, то есть в пятнадцати футах от края ямы, во втором ряду расположившихся на стульях туристов.

Свое место в первом ряду я уступил одной из наших дам, обрадовавшись возможности укрыться от жара за ее весьма пышной фигурой. Я испытывал немалое искушение отодвинуться еще дальше... но мне ужасно хотелось получше рассмотреть тех, кто пойдет по углям. Разве часто на долю человека выпадает случай увидеть чудо собственными глазами?

– Все это грубый обман, – сказал Многоопытный Путешественник, – сами увидите.

– Нет, это не грубый обман, Джеральд, – не согласился с ним Непререкаемый Авторитет По Всему На Свете, – а просто меньше, чем... было обещано. Конечно, и речи не может быть о всех жителях деревни; вероятно, не примут участия исполнители хулы, и уж, разумеется, не будет никаких ребятишек. Выпустят одного-двух парней, у которых кожа на подошвах задубела почище выделанной коровьей шкуры и которых вдобавок накачают опиумом или каким-нибудь другим местным наркотиком; вот они-то, выйдя на арену, и пронесутся по углям в бешеном темпе. Селяне же станут оглушительно вопить, а наш друг-канак, что выполняет роль переводчика, настоятельно потребует от нас дать на чай каждому из огнеходцев сверх того, что мы уже уплатили за луау, танцы и это представление... Конечно, его нельзя назвать грубым обманом, – продолжал он, – ведь в программе экскурсии значится «выступление огнеходцев». И мы его получим. На болтовню же насчет целой деревни таких искусников не стоит обращать внимания. Об этом в программе ничего не говорится. – Авторитет был чрезвычайно доволен собой.

– Массовый гипноз, – заявил Профессиональный Зануда.

Я хотел было попросить разъяснений насчет массового гипноза, но здесь моим мнением никто не интересовался. Я тут считался мальчишкой – если не по годам, то по стажу пребывания на круизном корабле «Конунг Кнут». Так уж ведется во всех морских круизах – каждый, кто оказался на борту в момент отплытия из порта отправления, считается важнее и старше любого пассажира, присоединившегося к круизу по пути. Такие правила возникли еще во времена древних мидян и персов, и ничто не в состоянии их изменить. Я же прилетел на «Графе фон Цеппелине», а из Папезте улечу домой на «Адмирале Моффете», так что навсегда обречен быть «мальчишкой» и не смею подавать голос, пока вещают те, кто стоит выше меня.

На круизных кораблях отличная кормежка, но зато уровень общения частенько один из наихудших в мире. Несмотря на это, острова приводили меня в телячий восторг; ни Мистик, ни Астролог-Любитель, ни Салонный Фрейдист, ни Адепт Нумерологии не могли испортить мне настроение – я просто не вслушивался в их болтовню.

– Это делают с помощью четвертого измерения, – объявил Мистик, – разве не так, Гвендолин?

– Именно так, милый, – согласилась Нумерологистка. – А вот и они. Ты увидишь, их обязательно будет нечетное число.

– Я так завидую твоим знаниям, милочка!

– Гм... гм... – хмыкнул Скептик.

Туземец, который помогал нашему корабельному руководителю экскурсии, поднял руки и обратился к нам ладони, прося тишины.

– Пожалуйста, выслушайте меня. *Maururu roa*, большое спасибо. Сейчас великий жрец и жрица начнут возносить молитвы богам, чтобы пламя не нанесло вреда жителям деревни. Прошу вас помнить, что это религиозная церемония, и притом очень древняя, – пожалуйста, ведите себя так, будто вы присутствуете при богослужении в своей церкви. Иначе...

Какой-то неимоверно дряхлый канак перебил его; старик и переводчик обменялись несколькими фразами на неизвестном мне языке, – как я решил, полинезийском, такой он был мелодичный и певучий. Канак помоложе снова повернулся к нам:

– Великий жрец говорит мне, что некоторые дети сегодня пойдут по углям впервые, в том числе и тот малыш, что сидит на руках у матери. Жрец просит вас сохранять полное молчание во время вознесения молитв, иначе безопасность детей не может быть гарантирована. Разрешите мне отметить, что лично я – католик. И в такие минуты всегда молю нашу Пресвятую Деву Марию о призрении младенцев; прошу и вас всех помолиться о том же, согласно канонам вашей веры. А кто молиться не хочет, пусть соблюдает тишину и просто в сердце своем желает добра детям. Если великий жрец не будет удовлетворен благоговейным отношением аудитории, он не позволит детям войти в огонь; бывали случаи, когда он вообще отменял церемонию.

– А, что я вам говорил, Джеральд? – театральным шепотом произнес Непререкаемый Авторитет. – Вот она, подготовочка-то. Теперь он повернет дело по-своему и во всем обвинит нас же. – Авторитет сердито засопел.

Авторитет (его фамилия была Чиверс) начал действовать мне на нервы с той самой минуты, когда я появился на корабле. Я наклонился вперед и шепнул ему прямо в ухо:

– А если ребятишки пройдут сквозь огонь, у вас хватит духу последовать их примеру?

Да послужит вам это уроком! Учитесь бесплатно на моем дурном примере. Никогда не позволяйте болванам доводить вас до потери здравого смысла. Уже через несколько секунд я обнаружил, что мой вызов обратился против меня и что (непонятно как) все трое – Авторитет, Скептик и Многоопытный Путешественник – заключили со мной пари на сотню долларов каждый, что это я не осмелюсь прогуляться через огненную яму, если дети пройдут сквозь огонь.

Переводчик еще раз попросил нас соблюдать тишину, а жрец и жрица вышли на угли – вот тогда-то все смолкли и, как я думаю, некоторые стали молиться. Во всяком случае, я молился. Внезапно оказалось, что я раз за разом повторяю неожиданно всплывшие в памяти слова:

...Пусть уснет моя грешная плоть.
Укрепи мою душу, Господь!..

Почему-то они очень подходили к данному случаю.

Ни жрец, ни жрица через огонь не пошли: то, что они сделали, было куда удивительнее и (как мне кажется) гораздо опаснее. Они просто стояли босиком в огненной яме и молились на протяжении нескольких минут. Я явственно видел, как шевелятся их губы. Время от времени старый жрец что-то сыпал на угли. Едва соприкоснувшись с углями, это что-то взлетало снопом искр.

Я старался рассмотреть, на чем же, собственно, они стоят – на углях или на камнях, но так и не смог ответить на этот вопрос, точно так же как не могу сказать, что хуже, а что лучше. А старуха, высохшая, как давным-давно обглоданная кость, тихо и спокойно стояла среди пламени, сохраняя безмятежное выражение лица и не предпринимая никаких мер предосторожности, если не считать, что она подоткнула свою лава-лава, превратив ее в нечто вроде подгузника. Было очевидно: старуха больше боится за одежду, чем за свои пятки.

Три человека с шестами в руках растаскивали горящие поленья, стараясь разровнять поверхность угольного слоя и сделать ее плоской, упругой и удобной для тех, кто пойдет через яму. Все это безумно занимало меня, ибо я сам собирался через несколько секунд вступить в пламя – если, конечно, не струшу и не проиграю пари. Мне казалось, что парни с шестами как бы прокладывают дорогу, которая позволит пересечь яму в длину по разбросанным там камням, а не по пышущим жаром углям. Во всяком случае, я на это надеялся.

Впрочем, затем я припомнил раскаленные солнцем тротуары, которые до пузырей обжигали мои босые ноги там, в Канзасе, в дни моего далекого детства, и подумал: «А какая, собственно, разница?» Температура в кострище достигла как минимум семисот градусов, камни же «варились» в нем в течение нескольких часов. При таких обстоятельствах нельзя сказать, что предпочтительнее – сковорода или сам огонь.

Между тем голос разума нашептывал мне на ухо, что проигрыш трех сотен не такая уж высокая плата за то, чтоб выбраться из этой ловушки... Неужели же я предпочту весь остаток жизни ползать на двух хорошо прожаренных кулях?

А не принять ли мне заранее таблетку аспирина?

Три парня кончили возиться с горящими поленьями и отошли к краю ямы слева от нас. Остальные жители деревни собрались за их спинами, включая и ребятишек, чтоб им было пусто! И о чем только думают родители, позволяя детям так рисковать? И почему те не пошли в школу, где им явно надлежит быть в такие часы?

Трое костровых гуськом пошли вперед; они двигались к центру ямы не торопясь, но и не замедляя шагов. За ними так же медленно и непоколебимо потянулась процессия туземцев-мужчин. Дальше шли женщины, среди которых была и юная мать с ребенком на бедре.

Когда порыв раскаленного воздуха коснулся младенца, тот заплакал. Не сбиваясь с размеренного шага, мать подняла его и приложила к груди. Младенец умолк.

Последними шли дети – от девушек и юношей до ребятишек-дошколят. Позади всех шагала малышка (лет восьми? или девяти?), которая вела за руку совсем маленького братца с круглыми от удивления глазенками. Было ему не больше четырех, а одеждой служила лишь собственная кожа.

Я смотрел на мальчугана и проникался печальной уверенностью, что в самом ближайшем будущем меня поджарят в наилучшем виде; деваться было некуда. Один раз мальчуган споткнулся, но сестра удержала его. И он пошел дальше маленькими отважными шажками. У дальнего конца ямы кто-то нагнулся и поднял его на край.

Вот и настал мой черед.

Переводчик обратился ко мне:

– Вы понимаете, что Полинезийское туристическое бюро не берет на себя ответственности за вашу безопасность? Огонь может опалить вас, может даже убить. Эти люди способны ходить сквозь огонь без вреда для себя, ибо они веруют.

Я сообщил ему, что тоже верую, втайне удивляясь, как можно так бесстыдно врать, и подписал протянутую мне бумагу.

Время бежало стремительно, и чуть ли не в одно мгновение я, с закатанными до колен брюками, оказался стоящим у края ямы. Туфли, носки, шляпа и бумажник остались у ее дальнего конца, на скамейке. Они стали моей целью, моим будущим призом... Интересно, если я не доберусь, их разыграют в лотерею или отправят моим родственникам?

А переводчик продолжал:

– Идите прямо по центру. Не торопясь, но и не останавливаясь. – Тут его прервал великий жрец, и, выслушав его, мой наставник сказал: – Он говорит: не надо бежать, даже если вам начнет поджаривать пятки, потому что тогда вы споткнетесь и упадете. А в этом случае вам уже не встать. Он хочет сказать, что тогда вы умрете. Я же со своей стороны считаю долгом

добавить, что вы вряд ли погибнете, ну разве что вдохнете пламя. Зато уж наверняка страшно обгорите. Поэтому не торопитесь и не падайте. Видите вон тот плоский камень, прямо перед вами? Вот на него первым делом и ступайте. *Que le bon Dieu vous garde*¹. Удачи вам.

– Спасибо.

Я глянул на Непререкаемого Авторитета, который усмехался по-вурдалачьи, если предположить, что вурдалаки способны улыбаться. Я сделал ему ручкой этакий лихой жест и шагнул вниз.

Пожалуй, я прошел не меньше трех шагов, прежде чем осознал, что решительно ничего не ощущаю. И тут же понял, что одно чувство во мне все же сохранилось – страх. Мне было дико страшно. И хотелось оказаться где-нибудь в Пеории или даже в Филадельфии. Чтoб не торчать тут одному в этой гигантской дымящейся пустыне. Дальний конец ямы, казалось, отдалился от меня на расстояние целого городского квартала. Может, и больше. И я все еще тащился туда, молясь, чтоб паралич, лишивший меня всякой чувствительности, не заставил рухнуть, прежде чем я доберусь до своей далекой цели.

Я чувствовал, что задыхаюсь, и вдруг понял, что просто перестал дышать. И тогда я жадно вдохнул ртом, тут же пожалев о содеянном. Над гигантской огненной чашей воздух был насыщен раскаленным газом, дымом, двуокисью углерода и еще чем-то, что вполне могло быть зловонным дыханием самого Сатаны; кислорода же, в том количестве, о котором стоило говорить, тут, конечно, не было. Я выплюнул то, что вдохнул, и со слезящимися глазами и обожженной глоткой стал прикидывать, смогу ли добраться до дальнего конца, не сделав больше ни единого вдоха.

Боже, спаси и сохрани! Ибо теперь я не видел противоположного края ямы. Дым поднимался клубами, и мои глаза не могли ни открыться, ни сфокусироваться на чем бы то ни было. Я вслепую рванулся вперед, старательно восстанавливая в памяти формулу покаяния на смертном одре, чтобы попасть на небеса, проделав все необходимые формальности.

А может, такой формулы вовсе и нет? Какое-то странное ощущение в пятках, колени подгибаются...

– Вам лучше, мистер Грэхем?

Я лежал на траве и смотрел на склонившееся надо мной доброе лицо цвета темной бронзы.

– Вроде бы, – ответил я. – А что произошло? Я все-таки дошел?

– Разумеется, дошли. И просто распрекрасно дошли. Однако в самом конце потеряли сознание. Но мы уже ждали вас, подхватили и вытащили. А теперь скажите, что случилось? Вы наглотались дыма?

– Возможно. Я получил ожоги?

– Нет. Впрочем, на правой ноге, может быть, и вскочит небольшой волдырь. Держались вы все время очень браво. Буквально вплоть до обморока – но это вы, скорее всего, просто надышались дымом.

– Я тоже так думаю. – С его помощью я приподнялся и сел. – Не подадите ли мне носки и туфли? Кстати, а где же все остальные?

– Автобус уже ушел. Великий жрец измерил вам пульс и проверил дыхание, но никому не позволил вас тревожить. Если человека, чей дух временно покинул его тело, стараться привести в чувство, дух может вовсе не вернуться в свое обиталище. Жрец твердо верит в это, и никто не осмелился ему возразить.

– И я не стал бы с ним спорить; чувствую себя прекрасно. Каким-то по-особенному отдохнувшим. Однако как же мне добраться до корабля?

¹ Да хранит вас Бог (фр.).

Пятимильное путешествие через тропический рай наверняка покажется утомительным уже после первой мили. Особенно если пешедралом. И особенно с такими опухшими ступнями. Им было с чего опухнуть.

– Автобус вернется: нужно доставить туземцев на борт парохода, который отвезет их на остров, где они живут постоянно. После этого он может отвезти вас к вашему кораблю. Впрочем, можно сделать еще лучше. У моего двоюродного брата есть автомобиль. Он с удовольствием отвезет вас.

– Отлично. Сколько он за это возьмет?

В Полинезии такси повсюду невероятно дороги, особенно если вы сдаетесь на милость водителя, а у них, как правило, ничего похожего на это чувство отродясь не бывало. Однако мне показалось, что я могу позволить себе роскошь быть ограбленным, раз уж выхожу из этой истории с некоторым профитом. Три сотни долларов минус плата за такси... Я взял со скамьи свою шляпу. – А где мой бумажник?

– Ваш что?

– Мое портмоне! Я положил его в шляпу. Где оно? Это уже не шутка! Там были мои деньги. И кредитные карточки.

– Ваши деньги? О! *Votre portefeuille*². Прошу прощения. Мой английский оставляет желать лучшего. Офицер корабля, руководивший вашей экскурсией, взял его на хранение.

– Очень мило с его стороны. Но как я заплачу вашему брату? У меня нет ни франка!

В общем, мы договорились. Сопровождавший экскурсию офицер, понимая, что, забрав бумажник, оставляет меня без гроша, оплатил мою доставку на корабль вперед. Мой приятель-канак проводил меня до машины своего брата и представил последнему, что оказалось весьма затруднительно, так как у брата знание английского ограничивалось словами «О'кей, шеф», а я так и не разобрал, как звали кузена переводчика.

Автомобиль был триумфом веры и упаковочной проволоки. Мы грохотали до пристани на полном газу, распугивая кур и легко обгоняя новорожденных козлят. Я почти потерял способность глядеть по сторонам, ибо был ошеломлен тем, что случилось перед самым нашим отъездом. Туземцы дожидались автобуса, который должен был приехать за ними, и нам пришлось продираться сквозь толпу. Вернее сказать, мы лишь попытались продрасться. Меня зацеловали. Меня целовали все до единого. Мне уже случалось лицезреть поцелуйный обряд полинезийцев, заменяющий здесь привычные нам рукопожатия, но впервые пришлось испытать его на себе.

Мой друг-переводчик пояснил:

– Вы вместе с ними прошли сквозь огонь и теперь стали почетным членом их общины. Они жаждут заколоть для вас свинью. И задать в вашу честь пир.

Я постарался ответить сообразно обстоятельствам и одновременно объяснить им, что сначала должен вернуться домой, а дом лежит за «большой водой», а уж потом, в один прекрасный день, ежели будет на то Господня воля, я вернусь сюда. На этом мы расстались.

Но ошеломило меня не столько это. Любой непредвзятый судья должен будет признать, что я достаточно широко смотрю на вещи и прекрасно понимаю, что в мире есть места, где моральные стандарты ниже американских и где люди не почитают за бесстыдство обнажать свое тело. Знаю я и то, что полинезийские женщины ходили голыми до пояса, покуда до них не добралась цивилизация. Да что там говорить! Я же почитываю иногда журнал «Нейшнл географик».

Однако я никак не ожидал *увидеть* это собственными глазами.

² Ваше портмоне (*фр.*).

Перед тем как я прогулялся по раскаленным углям, жители деревни были одеты именно так, как вы думаете, – преимущественно в юбочках из травы, – однако груди у женщин были прикрыты.

Но когда они целовали меня на прощание – все оказалось уже не так. Я хочу сказать, что подобные свидетельства стыдливости были отброшены. Ну в точности как в «Нейшнл географик».

Признаться, я очень ценю женскую красоту. Эти восхитительные признаки женственности – если их рассматривать в соответствующей обстановке, когда шторы добродетельно задернуты, – могут выглядеть весьма заманчиво. Но на пятом десятке (точнее, в сорок с лишком!) – это уж явно перебор. Я увидел женских бюстов больше, чем когда-либо видел за один раз, а может быть, и за всю жизнь. Во всяком случае, вполне достаточно, чтобы довести до коллективного умопомрачения всех членов Евангелического епископального общества содействия поддержанию целомудрия и морали.

Вот если бы меня предупредили хоть немного загодя, я наверняка с удовольствием принял бы сей новый для меня опыт. А в том виде, как получилось, опыт оказался слишком нов, слишком обилён для переваривания и слишком скоротечен; извлечь из него удовольствие можно было лишь ретроспективно.

Наш тропический «роллс-ройс» наконец со скрипом остановился, благодаря совместным усилиям ножных и ручных тормозов, а также компрессора. Я с трудом очнулся от глубочайшей эйфории. Мой водитель объявил:

– О'кей, шеф!

– Это не мой корабль! – воскликнул я.

– О'кей, шеф?

– Ты привез меня не к тому причалу. Хм... причал-то вроде прежний, но корабль совсем другой!

В этом я был абсолютно уверен. Теплоход «Конунг Кнут» имел белые борта и надстройки, а также залихватски скошенную фальшивую трубу. Эта же посуда была выкрашена преимущественно в красный цвет, и на ней торчали четыре высокие черные трубы. Наверное, это не теплоход, а пароход. И стало быть, он устарел уже много-много лет назад.

– Нет! – воскликнул я. – Нет!!!

– О'кей, шеф. *Votre vapeur... voila!*³

– *Non!*⁴

– О'кей, шеф.

Он вылез наружу, обошел машину, открыл дверь с той стороны, где сидят пассажиры, схватил меня за руку и сильно потянул. Хотя я был в приличной форме, но его рука оказалась отлично натренированной благодаря постоянным упражнениям в плавании, лазании за кокосовыми орехами, вытаскивании рыболовных сетей и туристов, которые не желают выходить из такси. Так что я вышел.

Он прыгнул в машину, крикнул: «О'кей, шеф! *Merci bien! Au 'voir!*»⁵ – и был таков.

Хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться по сходням незнакомого корабля, дабы разузнать, если удастся, о том, что случилось с «Конунгом Кнутом». Когда я поднялся на борт, вахтенный старшина, который стоял у трапа, отдал честь и произнес:

– Добрый день, мистер Грэхем. Мистер Нильсен оставил для вас пакет. Минуточку... – Он поднял крышку конторки и вытащил большой коричневый пакет из плотной бумаги. – Вот, пожалуйста, сэр.

³ Ваш пароход... вот он! (*фр.*)

⁴ Нет! (*фр.*)

⁵ Большое спасибо! До свидания! (*фр.*)

На конверте было написано «А. Л. Грэхему, каюта С-109». Я вскрыл конверт и обнаружил в нем потрепанный бумажник.

– Все в порядке, мистер Грэхем?

– Да, благодарю вас. Передайте мистеру Нильсену, что я все получил, ладно? И заодно мою глубокую благодарность...

– Разумеется, сэр.

Я заметил, что это палуба D, и поднялся на один пролет, чтобы найти каюту С-109.

Однако в порядке было далеко не все. Моя фамилия не Грэхем.

2

*Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет
ничего нового под солнцем.*
Книга Екклесиаста, 1: 9

Благодарение Господу, на всех кораблях типовая система нумерации кают. Поэтому каюта С-109 находилась именно там, где и должна была находиться, – на палубе С, в начале ряда кают по правому борту, между С-107 и С-111. Я добрался до нее, не встретив никого из посторонних. Подергал дверную ручку – закрыто. Видно, мистер Грэхем прислушивался к советам судового казначея закрывать дверь на ключ, особенно во время стоянки в портах.

Ключ, подумал я мрачно, наверняка лежит в кармане штанов мистера Грэхема. А где же сам мистер Грэхем? Приготовился схватить меня при попытке залезть в его каюту? Или пытается открыть мою каюту, пока я пробую войти в его?

Имеется ничтожный, но все же не совсем нулевой шанс, что к чужому замку может подойти любой ключ. В моем кармане лежал ключ от каюты на теплоходе «Конунг Кнут». Я решил его попробовать.

Что ж, попытка не пытка. Пока я стоял, размышляя, что же делать дальше – плюнуть на все или помереть на этом самом месте, – за моей спиной раздался нежный голосок:

– Ах, мистер Грэхем!

Это была очаровательная юная особа в костюме служанки (поправка: в форме горничной). Она скользнула ко мне, взяла висевший у нее на поясе универсальный ключ и открыла дверь каюты С-109, продолжая щебетать:

– Маргрета просила меня дождаться вашего возвращения. Она сказала, что вы забыли ключ от каюты на столике. Она там его и оставила, а мне велела вас встретить и открыть вам дверь.

– Вы очень любезны, мисс... э-э-э...

– Меня зовут Астрид. Я обслуживаю такие же каюты по левому борту, Марга и я помогаем друг другу. Она сегодня днем взяла отгул, сошла на берег. – Она распахнула дверь. – Вам больше ничего не нужно, сэр?

Я поблагодарил ее, и она ушла. Потом закрыл дверь на ключ и на задвижку и, рухнув в кресло, буквально затрясся от перенесенного ужаса.

Минут через десять я встал, прошел в ванную и умылся ледяной водой. Я все еще ничего не понимал и по-прежнему был испуган, но нервы уже не трепетали подобно флагу на сильном ветру. С того самого момента, как я стал подозревать, что происходит нечто исключительно странное, мне удалось держать себя в руках. Когда же это началось? Тогда, когда мне показалось, что все происходящее в огненной яме выглядит нереальным? Или позже? С полной уверенностью можно было утверждать, что это уже случилось, когда я увидел, что один корабль водоизмещением в двадцать тысяч тонн подменен другим.

Мой родитель, бывало, говаривал мне: «Алекс, нет ничего плохого в том, что ты трусишь... Разумеется, если ты не позволишь страху подчинить себя и ничем не выдашь боязни до тех пор, пока опасность не окажется позади. Даже истерике можно дать волю... но только потом, когда рядом уже никого не будет. Слезы вовсе не свидетельствуют об отсутствии мужества, если ты прольешь их в ванной за запертой дверью. Разница между трусом и храбрецом заключается главным образом в умении своевременно выражать свои эмоции».

Я не такой, каким был мой отец, но все же стараюсь следовать его советам. Если научиться сдерживать невольную дрожь, когда взрываются ракеты фейерверка или что-то в этом роде, то появляется неплохой шанс продержаться на плаву, пока опасность не минует.

Опасность еще не прошла, но я явно выиграл от катарсиса, вызванного хорошей порцией мандража. Теперь я мог рассуждать спокойно.

Предположения:

а) что-то умопомрачительное случилось с окружающим меня миром; или же

б) что-то умопомрачительное произошло с Алексом Хергенсхаймером, а значит, его следует держать взаперти и накачать успокоительным.

Третье предположение придумать не удалось, поскольку эти два неплохо соответствовали всем основным фактам. Тратить время на второе предположение тоже не стоило. Ежели я начну разводить змей в собственной шляпе, то окружающие сразу заметят это, заявятся сюда со смирительной рубашкой и посадят меня в симпатичную комнату с обитыми войлоком стенами.

Поэтому давайте-ка предположим, что я нахожусь в здравом уме (или близко к тому – сейчас небольшая доза безумия была бы даже полезна). Если со мной все о'кей, то, значит, свихнулся весь мир. Будем разбираться по порядку.

Бумажник. Он не мой. Большинство бумажников похожи друг на друга, и этот весьма схож с тем, который был у меня раньше. Но когда носишь бумажник несколько лет, то к нему привыкаешь, и он становится действительно твоим. Я сразу же понял, что этот не мой. Только мне не хотелось противоречить вахтенному старшине, который явно признал во мне мистера Грэхема.

Я вынул бумажник Грэхема и раскрыл его.

Несколько сот франков – сколько, посчитаем потом.

Восемьдесят пять долларов купюрами – законное платежное средство в «Соединенных Штатах Северной Америки».

Водительское удостоверение, выданное А. Л. Грэхему.

Были там еще какие-то бумажки, но я наткнулся на вложенную в специальный кармашек машинописную карточку, один вид которой бросил меня в ледяной пот.

«Нашедший этот бумажник может оставить себе деньги в качестве вознаграждения, если соизволит вернуть бумажник А. Л. Грэхему, каюта С-109, пароход „Конунг Кнут“ датско-американской линии, или судовому казначею, или любому другому агенту этой линии. Заранее благодарен. А. Л. Г.».

Теперь я точно знал, что случилось с моим «Конунгом Кнутом»: он попросту превратился в совершенно другой корабль.

А может быть, изменения произошли со мной? В самом деле, действительно ли изменился мир, а вместе с ним и корабль? Или же существовали два мира, и я сквозь пламя каким-то образом проник из одного в другой? А может быть, на самом деле были два человека, которые почему-то обменялись судьбами? Или же Алекс Хергенсхаймер превратился в Алека Грэхема, а теплоход «Конунг Кнут» в пароход «Конунг Кнут»? Причем одновременно Северо-Американский Союз стал Соединенными Штатами Северной Америки!

Отличные вопросы! Как я рад, что вы их задали. Ну а теперь, дети, если у вас нет других вопросов...

Когда я учился в средней школе, то издательства выпускали уйму тонких журнальчиков, печатавших фантастические рассказы, и не только про привидения, а просто про самые загадочные случаи. Сказочные корабли, прокладывающие путь сквозь эфир к другим планетам; удивительные изобретения; путешествия к центру земли; другие «измерения»; летающие машины; энергия расщепленного атома; чудовища, выведенные в секретных лабораториях.

Я частенько покупал эти журнальчики и прятал их в обложках «Спутника юношества» и «Юного крестоносца», инстинктивно понимая, что мои родители не одобряют подобных увле-

чений и конфискуют мои покупки. А я такие истории просто обожал. Равно как и мой непутевый дружок Берг.

Конечно, долго так продолжаться не могло. Сначала появилась передовица в «Спутнике юности» – «Вырвать с корнем отравляющий души яд!». Потом наш пастор – брат Дрейпер – прочел проповедь, направленную против разлагающего разум «хлама», сравнивая его со зловредным влиянием сигарет и спиртного. Затем уж и наш штат объявил такие публикации вне закона, воспользовавшись доктриной «Поддержания высоких стандартов общественной морали» и даже не дожидаясь принятия национального закона и соответствующих административных распоряжений.

А ящик с журналами, который я, казалось, так надежно упрятал на чердаке, куда-то исчез. Хуже того, труды мистера Г. Дж. Уэллса и мсье Жюль Верна, равно как и некоторых других, были изъяты из нашей публичной библиотеки.

Следует восхищаться мотивами, подвигшими наших духовных лидеров и народных избранников на поиск путей, способных защитить умы молодежи. Как указывал доктор Дрейпер, в Писании вполне хватает увлекательнейших и захватывающих дух историй, чтобы удовлетворить интересы всех мальчишек и девчонок в мире. А потому во всей этой глупейшей макулатуре просто нет нужды. Он вовсе не призывал установить цензуру на книги для взрослых – он имел в виду лишь впечатлительную молодежь. Если человек зрелых лет желает читать какую-то фантастическую дребедень, то пусть себе читает, хотя лично он, Дрейпер, не может поверить, что кого-нибудь из взрослых подобное чтиво сможет чем-то привлечь.

Думаю, я был одним из этих несчастных впечатлительных юношей, ибо мне и по сей день очень недостает таких историй.

Особенно хорошо мне запомнилось произведение мистера Уэллса под названием «Люди как боги». Там какие-то люди едут на автомобиле в тот самый момент, когда происходит взрыв, и вдруг обнаруживают, что попали в другой мир, довольно схожий с их собственным, но лучше. Они встречаются с местными жителями, которые разъясняют им что-то насчет параллельных вселенных, четвертого измерения и прочего в том же роде.

Все это содержалось в первой части романа. Сразу же после того, как она вышла из печати, в штате приняли закон о защите нашего юношества, так что продолжения я не видел.

Один из моих преподавателей английской литературы, не делавший тайны из своего неприятия цензуры, как-то сказал, что мистер Уэллс был родоначальником всех главных направлений научной фантастики. И назвал это произведение источником концепции множественных вселенных. Я хотел спросить профессора, не знает ли он, где можно найти экземпляр этого романа, но отложил разговор до конца семестра, когда я уже официально буду считаться «зрелым человеком»... Ну и опоздал: академический сенатский комитет по вопросам веры и морали провалил продление контракта с этим профессором, и он покинул нас, даже не дождавшись конца семестра.

Не случилось ли со мной чего-то похожего на то, что описано мистером Уэллсом в книге «Люди как боги»? Может быть, мистер Уэллс обладал даром святого предвидения? И может быть, люди и в самом деле когда-нибудь доберутся до Луны? Умопомрачительно!

Но разве это умопомрачительнее того, что произошло со мной?

Как там ни верти, а я находился на борту «Конунга Кнута» (хотя это и был *не мой* «Конунг Кнут»), и объявление возле сходней гласило, что корабль отплывает в шесть часов вечера. А время шло, и мне надлежало как можно скорее решить, что делать дальше.

Что же делать? Итак, мой корабль – теплоход «Конунг Кнут» – куда-то исчез. Но команда (во всяком случае, часть ее) парохода «Конунг Кнут», видимо, готова признать во мне мистера Грэхема – своего пассажира.

Остаться на борту как ни в чем не бывало? А если Грэхем появится на пароходе? (Ведь это может произойти в любую минуту.) И потребует отчета, что я делаю в его каюте?

Или же сойти на берег (это очень легко) и отправиться к местным властям со своей проблемой?

Алекс, французская колониальная администрация будет от тебя в восторге! Ни багажа, кроме той одежды, что на тебе, ни денег (ни единого су!), даже паспорта и того нет. О! Они придут в такой восторг, что обеспечат тебе и помещение, и содержание до конца твоей жизни... в подземной темнице с решеткой вместо крыши!

Но в бумажнике же есть деньги!

Вот как? А не приходилось ли тебе слышать о восьмой заповеди? Это же *его* деньги!

Но ведь вполне можно предположить, что он прошел сквозь огонь в то же мгновение, что и ты – с этой стороны, из этого мира, или как там его назвать, иначе его бумажник вряд ли дожидался бы тебя тут. Значит, он теперь завладел *твоим* бумажником. Кажется, логично?

Послушай, мой туповатый друг, ты думаешь, логика приложима к тому дурацкому положению, в которое мы вляпались?

Ну-у-у...

Отвечай же!

Нет, пожалуй, нет. Ну а если так... затаись в этой каюте. Если Грэхем появится до отплытия, тебя наверняка выкинут с корабля, это уж точно. Но ведь и тогда тебе будет нисколько не хуже, чем если бы ты сошел с него сам, сейчас. А если он *не появится*, ты займешь его место и доберешься, по крайней мере, до Папезте. Город большой. Твои шансы овладеть ситуацией там будут куда лучше, чем здесь. Там и консул есть, и все такое прочее.

Ладно. Уговорил.

На пассажирских судах обычно издаются для пассажиров ежедневные газеты – просто одна-две странички, заполненные такой интригующей информацией, как «Сегодня в десять утра состоится учебная шлюпочная тревога. Всех пассажиров просим...» или «Вчерашний выигрыш в соревнованиях по отгадыванию пройденного за день расстояния достался миссис Эфраим Глютт из Бетани, Айова»; иногда печатаются и кое-какие новости, почерпнутые из сообщений, перехваченных операторами беспроводной связи. Я стал искать судовую газету и буклет «Приветствуем вас на борту». Последний (возможно, здесь он называется иначе) должен дать пассажиру, только что оказавшемуся на корабле, представление об этом сложном маленьком мире: фамилии офицеров, расписание трапез, местонахождение парикмахерской, прачечной, столовой, сувенирной лавки (сюрпризы для розыгрышей, журналы, зубная паста), как вызывать горничную, планы корабельных палуб, место, где находится предназначенная для вас спасательная лодка, как узнать свое место в столовой...

Место в столовой! Ох! Пассажиру, пробывшему на борту хоть один день, ни к чему расспрашивать, за каким столом он сидит. Именно на таких вот мелочах и можно погореть. Ничего. Придется идти напролом.

Буклет для прибывающих оказался в ящике письменного стола Грэхема. Я перелистал его, намереваясь запомнить все основные данные, прежде чем покинуть каюту, – если, конечно, останусь на борту, когда корабль отойдет от причала, – а затем отложил его в сторону, ибо нашлась и судовая газета.

Именовалась она «Королевский скальд», и Грэхем, благослови его Бог, сберег все номера, начиная с того дня, когда он поднялся по сходням корабля в Портленде, штат Орегон. Это я вычислил, исходя из данных о месте и времени выпуска самого раннего номера. Следовательно, Грэхем взял билет на весь круиз – обстоятельство, которое могло сыграть весьма важную роль для меня. Я-то намеревался вернуться домой тем же путем, каким и прибыл, то есть на воздушном корабле. Но если дирижабль-лайнер «Адмирал Моффет» и существовал в этом мире, или измерении, или как его там, то у меня все равно не было на него билета, равно как и денег, чтобы купить таковой. Что могут сделать французские колониальные власти с пассажиром, у

которого в кармане ни гроша? Поджарить на костре? Или вздернуть, а потом четвертовать? Выяснять это я отнюдь не стремился. А грэхемовский билет на весь круиз (если допустить, что он существует) мог оградить меня от необходимости заняться подобным выяснением.

(Если, конечно, Грэхем не появится в ближайшие минуты и пинком не вышвырнет меня с корабля.)

Я не стал рассматривать возможность остаться в Полинезии. Лет сто тому назад бичком-берам на Бора-Бора или Муреа жилось неплохо, но сегодня единственная бесплатная вещь на этих островах – заразные болезни.

Конечно, в Америке я бы тоже мог попасть в положение, в котором чувствовал бы себя таким же нищим и чужим, как здесь, но мне все же казалось, что на родине было бы лучше. Точнее, на родине мистера Грэхема.

Я перечитал сводки новостей, полученные по беспроводной связи, но ничего не понял, а потому отложил их для дальнейшего изучения. То немного, что из них все же удалось извлечь, как-то не утешало. Где-то глубоко во мне, видимо, таилась совершенно лишенная логики надежда, что все случившееся со мной – просто чудовищная путаница и постепенно все как-нибудь наладится (только не спрашивайте меня – как). Однако прочитанное свело мою надежду к нулю.

Ну скажите на милость, что это за мир, где президент Германии наносит визит в Лондон? В моем мире Германской империей правит кайзер Вильгельм IV. А президент для Германии звучит так же нелепо, как король для Америки.

Может, это и неплохой мир... но это не тот мир, в котором я родился. Во всяком случае, если судить по этим загадочным сообщениям.

Отложив в сторону пачку «Королевского скальда», я заметил на листке с меню сегодняшнего ужина пометку: «Вечерний туалет».

Я не удивился: «Конунг Кнут» в своем предыдущем воплощении был в высшей степени чопорным. Если корабль находился в море, от вас ожидали появления во фраке. С черным галстуком. Без него вам ясно давали понять, что таким людям лучше обедать в своей каюте.

Ни фрака, ни смокинга у меня не было – наша церковь не поощряет суетности, – поэтому я пошел на компромисс, надевая в рейсе к ужину синий саржевый костюм с белой сорочкой и черной бабочкой на резинке. Никто не возражал. На меня просто не обращали внимания, ибо я и без того сидел «ниже солонки», поскольку прибыл на судно только в Папэте.

Мне захотелось посмотреть, нет ли у мистера Грэхема темного костюма.

И черного галстука.

У мистера Грэхема оказалась уйма одежды, куда больше, чем у меня когда-либо. Я примерил спортивный пиджак, он пришелся мне почти впору. Брюки? Длина вроде о'кей, а вот насчет пояса я не был уверен. Примерять же пару и рисковать быть пойманным Грэхемом с ногой, сунутой в его же собственные брюки, мне не хотелось. Да и что полагается говорить в подобных случаях? «Привет! Я тут вас дожидался и решил скоротать время, примеряя ваши штаны»? Не слишком-то убедительно.

У него был не один вечерний костюм, а целых два – обычная черная фрачная пара и темно-красный смокинг. Я никогда и не слыхивал об этакой экстравагантности.

А вот бабочки на резинке я так и не нашел. Черных галстуков насчитывалось несколько штук. Да только я не имел ни малейшего представления, как завязывают бабочку.

Я глубоко вздохнул и горестно задумался над этой сложной проблемой.

Раздался стук в дверь. Если я не выскочил из собственной шкуры, то только лишь по чистой случайности.

– Кто там? – (Честное слово, мистер Грэхем; я тут вашего прихода дожидался!)

– Горничная, сэр.

– О, входите, входите!

Я услышал, как она звенит ключом, и тут же вскочил, чтобы отодвинуть задвижку.

– Извините, совсем забыл, что закрыл и на задвижку. Пожалуйста, заходите.

Маргрета оказалась примерно того же возраста, что и Астрид, но выглядела моложе и привлекательнее, со светлыми, как лен, волосами и веснушками на носу. Она говорила на очень правильном, явно выученном по учебнику, английском с каким-то милым акцентом. В руках Маргрета держала платяную вешалку с коротким белым пиджаком.

– Ваш обеденный китель, сэр. Карл сказал, что второй будет готов завтра.

– О, большое спасибо, Маргрета! Я о нем начисто позабыл.

– Я была уверена, что позабудете. Поэтому вернулась на борт чуть пораньше – пока прачечная не закрылась. И очень рада, что так поступила. Для темного костюма сегодня слишком жарко.

– Вам не следовало торопиться из-за меня – эдак вы меня совсем избалуете.

– А я люблю заботиться о наших гостях. И вам это хорошо известно. – Она повесила пиджак в шкаф и пошла к двери. – Я зайду попозже, чтобы завязать вам галстук. В шесть тридцать, как обычно, сэр?

– В шесть тридцать годится, а теперь который час? – (Будь оно неладно, мои часы пропали одновременно с теплоходом «Конунг Кнут»; на берег я их не брал.)

– Уже почти шесть... – Маргрета замешкалась. – Пожалуй, будет лучше, если до ухода я приготовлю вашу одежду. У вас и так мало времени.

– Моя милая девочка! Но это же не входит в ваши обязанности!

– Нет. Но я сделаю это с удовольствием. – Она выдвинула ящик комода, вынула оттуда фразную сорочку и положила ее на мою (Грэхема) кровать. – И вы знаете почему!

С энергической компетентностью человека, точно знающего, где и что лежит, она выдвинула маленький ящик стола, до которого у меня еще руки не дошли, достала оттуда кожаный футляр, вынула из него и положила рядом с рубашкой часы, кольцо и запонки, продела запонки в манжеты, выложила на подушку чистое нижнее белье и черные шелковые носки, поставила возле стула вечерние туфли, вложив в одну из них рожок, взяла из шкафа тот самый обеденный китель, повесила его вместе с черными отглаженными брюками (подтяжки уже пристегнуты) и темно-красным поясом-камербандом на дверцу гардероба. Окинув взглядом это великолепие, добавила к стопочке вещей на подушке пристегнутой воротничок с отогнутыми уголками, черный галстук и свежий носовой платок; снова посмотрела, положила возле часов и кольца ключ от каюты и бумажник, опять оценила все острым взглядом и удовлетворенно кивнула:

– Пора бежать, иначе я пропущу ужин. Вернусь, когда надо будет завязывать галстук. – И исчезла. Но не убежала, а словно ускользнула.

Маргрета была абсолютно права. Если бы она не приготовила все, что нужно, мне пришлось бы куда как туго. Одна сорочка чего стоила – она была из тех, что застегиваются неизвестно как на спине. Я таких в жизни не нашивал.

Спасибо еще, что Грэхем пользовался обыкновенной безопасной бритвой. К шести пятнадцати я соскоблил выросшую с утра щетину, принял душ (что было совершенно необходимо) и смыл копоть с волос.

Его туфли оказались мне в самый раз, как будто я сам их изнашивал. Брюки были в поясе узковаты. Датский корабль не то место, где можно сбросить вес, а я пробыл на теплоходе «Конунг Кнут» целых две недели. Я все еще сражался с проклятой рубашкой, что надевается задом наперед, когда Маргрета вошла в каюту, воспользовавшись собственным универсальным ключом.

– Стойте смирно, – сказала она и быстро застегнула все пуговицы, до которых я не мог дотянуться, затем укрепила, с помощью предназначенных для этого запонок, дьявольский воротничок и повесила мне на шею галстук. – Теперь, пожалуйста, повернитесь.

Завязывание бабочки – операция, напрямую связанная с магией, но, видно, Маргрета знала все необходимые заклинания.

Она помогла мне повязать камербанд, подала китель, осмотрела с ног до головы и объявила:

– Что ж, пожалуй, сойдет. И я горжусь вами; за обедом девчонки только и говорили что о вас. Жаль, не пришлось видеть самой. Вы очень смелый.

– Какое там смелый! Просто глупый. Начал болтать, когда следовало держать язык за зубами.

– Нет, смелый. Мне пора – Кристина сторожит мою тарталетку с вишней, и, если я задержусь, кто-нибудь обязательно слопаёт вишенку.

– Бегите. И огромное спасибо. Ну идите же, спасайте свою вишенку.

– А вы не хотите мне заплатить?

– О! А какая плата вас устроит?

– Ах, вы еще и дразнитесь!

Она придвинулась еще на несколько дюймов и подняла ко мне лицо. Не так-то уж много я знаю о девушках (а кто знает много?), но тут все было яснее ясного. Я взял ее за плечи, поцеловал в обе щеки, поколебался ровно столько, чтобы убедиться, что она не сердится и даже не удивлена, а затем влепил поцелуй прямехонько посередине. Губы были теплые и мягкие.

– Вы эту плату имели в виду?

– Да, конечно. Но вы умеете целоваться и получше. Знаете ведь, что умеете. – Она выпятила нижнюю губку и скромно опустила глаза.

– Ну, держитесь!

Да, я умею целоваться и получше. Или, вернее, научился к концу следующего поцелуя. Позволив Маргрете играть роль ведущего и радостно кооперируясь с ней во всем, что, как ей казалось, повышает качество поцелуя, я за пару минут узнал о поцелуях больше, чем за всю жизнь.

В ушах у меня звенело.

После того как мы оторвались друг от друга, она на миг замерла в моих объятиях, затем невозмутимо посмотрела на меня.

– Алек, – сказала она тихонько, – ты меня еще никогда так великолепно не целовал. Божественно! Ну а теперь я побегу, а то ты из-за меня опоздаешь к ужину.

Она выскользнула из моих объятий и выскочила за дверь, как всегда, в мгновение ока.

Я внимательно рассмотрел свое отражение в зеркале. Никаких следов. А вообще-то, столь страстные поцелуи вполне могли оставить кое-какие следы!

Что же за личность этот Грэхем? Носить его одежду я могу, но осмелюсь ли я позаимствовать и его женщину? А она действительно его женщина? Кто знает?! Во всяком случае не я. Был ли он развратником и бабником? Или я вломился в совершенно невинный, хотя и несколько опрометчивый роман?

Нельзя ли мне вернуться назад тем же путем – через огненную яму?

Вопрос лишь в том – хочу ли я этого?

Идешь на корму, пока не достигнешь главного трапа, потом спускаешься на две палубы вниз и снова идешь в сторону кормы – так было указано на пароходных планах буклета.

Нет проблем! Человек у двери столовой, одетый примерно так же, как и я, но с меню под мышкой, был, вероятно, старшим официантом или главным стюардом столового салона. Он подтвердил мою догадку, улыбнувшись широко и профессионально.

– Добрый вечер, мистер Грэхем.

Я остановился:

– Добрый вечер. Что это за изменения в плане рассадки пассажиров? Где я должен сидеть? – (Хватайте быка за рога, и в худшем случае вы его хотя бы удивите.)

– Это не навсегда, сэр. Завтра вы опять будете есть за четырнадцатым столиком. А сегодня капитан просит вас пожаловать за его стол.

Он подвел меня к огромному столу, занимавшему середину салона, и начал было усаживать по правую руку капитана, но капитан встал и принялся аплодировать. Все, кто сидел за этим столом, последовали его примеру, к ним присоединились остальные, собравшиеся в большом зале, и все они, судя по всему, приветствовали меня. Кое-где даже звучали восторженные выкрики.

За ужином я сделал два важных открытия. Вот первое: совершенно очевидно, Грэхем выкинул тот же глупый номер, что и я (тем не менее неясность, было нас двое или я был в единственном числе, все же оставалась; этот вопрос я решил отложить в самый долгий ящик).

Второе, но самое важное: не пейте ледяной ольборгский аквавит на пустой желудок, особенно если вы, подобно мне, воспитаны в духе трезвости.

3

Вино глумливо, сикера – буйна...
Книга притчей Соломоновых, 20: 1

Я не хочу возводить напраслину на капитана Хансена. Мне приходилось слышать, что скандинавы насыщают свою кровь этанолом, поскольку он действует как своего рода антифриз и позволяет легче переносить долгие суровые зимы, а потому они плохо понимают людей, которым от крепких напитков делается дурно. Кроме того, никто за руки меня не держал, никто не зажимал мне ноздри, никто насильно не лил мне спирт в глотку. Последнее проделал я сам.

Наша церковь не придерживается взгляда, что плоть слаба, а грех по-человечески понятен и извинителен. Грех может быть прощен, но отнюдь не с легкостью. Прощение еще надо заслужить. А потому грешнику надлежит выстрадать свое искушение.

Кое-что об этих страданиях мне еще предстояло узнать. Говорят, их называют похмельем.

Во всяком случае, так их называл мой дядюшка-выпивоха. Дядя Эд утверждал, что человеку никогда не бывать трезвенником, если он не пройдет полного курса пьянства, ибо иначе, ежели соблазн встанет на его пути, он не будет знать, как с этим самым соблазном управиться.

Возможно, я личным примером доказал истинность данного положения дяди Эда. В нашем доме на него всегда смотрели как на источник неприятностей, и, если бы он не был маминым братом, отец не пустил бы его даже на порог. Да его и так никогда не уговаривали погостить подольше и не упрашивали вернуться поскорее.

Не успел я сесть за стол, как капитан предложил мне стакан аквавита. Стаканы, из которых пьют этот напиток, невелики; их, скорее, можно назвать маленькими, в этом-то и скрыта главная опасность.

Именно такой стаканчик капитан держал в руке. Он поглядел мне прямо в глаза и сказал: – За нашего героя! *Skaal!*⁶ – запрокинул голову и выплеснул содержимое стакана в рот.

По всему столу эхом разнеслось: «*Skaal!*» – и каждый из сидевших опрокинул свой стакан так же лихо, как капитан.

Ну и я тоже. Должен сказать, что положение почетного гостя налагает определенные обязанности – «если живешь в Риме...» и так далее. Но истина в том, что у меня просто не хватило настоящей силы воли, чтобы отказаться. Я сказал себе: «Такой маленький стаканчик не может повредить» – и осушил его одним глотком.

И в самом деле ничего не стряслось. Аквавит прошел отлично. Приятный, холодный как лед глоток, оставивший после себя острый привкус пряностей с ноткой лакрицы. Я не знал, что именно пью, и не был даже уверен, что это алкоголь. Во всяком случае, мне он таковым не показался.

Мы сели, кто-то поставил передо мной тарелку с едой, и личный стюард капитана налил мне еще стаканчик шнапса. Я уже собрался приняться за еду – восхитительные датские закуски из тех, что обычно входят в ассортимент *smorgasbord*, – когда кто-то дотронулся до моего плеча.

Я поднял глаза – это был Многоопытный Путешественник.

Рядом с ним стояли Авторитет и Скептик.

Имена у них теперь были другие. Некто (или нечто), превративший мою жизнь в запутанную головоломку, особо далеко в данном случае не пошел. Джеральд Фортескью, например, теперь стал Джереми Форсайтом. Несмотря на мелкие изменения, я без труда узнал каждого

⁶ Ваше здоровье! (*дат.*)

из них, а новые имена были достаточно сходны со старыми – показатель того, что кто-то или что-то продолжает свой розыгрыш.

(Но тогда почему моя новая фамилия так отличается от фамилии Хергенсхаймер? В звучании имени Хергенсхаймер есть особое достоинство, я бы сказал, в нем слышны отголоски известного величия. А Грэхем – имечко так себе.)

– Алек, – сказал мистер Форсайт, – мы недооценили вас. Дункан, и я, и Пит с радостью признаем это. Вот три тысячи, которые мы вам должны, и... – Он протянул руку, которую до сих пор держал за спиной; в ней оказалась здоровенная бутылка. – Вот самое лучшее шампанское, какое только есть на пароходе, как знак нашего уважения.

– Стюард! – крикнул капитан.

И тот же стюард, ведавший напитками, двинулся вокруг нашего стола, наполняя стаканы всех сидевших. Но еще до этого обнаружилось, что я снова стою и трижды под возгласы «*Skaal!*» опустошаю стаканчики аквавита – по одному за здоровье каждого проигравшего, – а в другом кулаке сжимаю три тысячи долларов (долларов Соединенных Штатов Северной Америки). У меня не было времени разбираться, почему три сотни вдруг превратились в три тысячи, что, впрочем, было не более странно, чем то, что случилось с «Конунгом Кнута». Вернее, с его обоими воплощениями. Да и мои способности удивляться к этому времени почти иссякли.

Капитан Хансен приказал официантке приставить к столу стулья для Форсайта и его компании, но все трое отказались на том основании, что жены и соседи по столам ждут их возвращения. Да и у нас места маловато. Для капитана Хансена все это не имело ни малейшего значения. Он был настоящий викинг, величиной чуть меньше дома: дай ему молот, и он вполне сойдет за Тора – мышцы у него были даже там, где у обычных мужчин их отродясь не бывает. Так что с ним особенно не поспоришь.

Впрочем, он добродушно согласился на компромисс – они вернутся к своим столам и завершат ужин, но сначала присоединятся к капитану и ко мне и вознесут благодарность Седраку, Мисаху и Авденаго – ангелам-хранителям нашего доброго друга Алека. И весь наш стол, как один человек, будет участвовать в этом...

– Стюард!

И все мы трижды прокричали «*Skaal!*», заливая гланды антифризом в невероятном количестве.

Вы все еще считаете? Думаю, уже стаканчиков семь. Можете перестать считать. Именно в этом месте я потерял счет выпитому. Ко мне стало возвращаться то оцепенение, которое я ощутил на половине пути через огненную яму.

Заведующий напитками стюард кончил разливать шампанское и, повинувшись знаку капитана, заменил опустевшую бутылку новой. Снова пришла моя очередь произносить тосты – я рассыпался в комплиментах трем проигравшим, после чего все выпили за капитана Хансена и за добрую посудину «Конунг Кнут».

Капитан поднял бокал за Соединенные Штаты, и все присутствующие встали и выпили вместе с ним; тогда я счел необходимым предложить тост за датскую королеву, что вызвало новые тосты в мою честь, и капитан потребовал, чтобы я произнес речь.

– Расскажите, как вы чувствовали себя в печи огненной.

Я попытался отговориться, но кругом оглушительно гремели крики всех присутствующих: «Речь! Речь!»

Я с трудом поднялся, стараясь припомнить, о чем говорил на последнем ужине, организованном с целью сбора средств для поддержания заморских миссий. Речь ускользала от меня. Наконец я сказал:

– А!!! Вздор! Тут и говорить не о чем. Только приклоните ухо ваше к земле, налягте плечом на штурвал, поднимите глаза к звездам, и вы с легкостью сделаете то же самое. Спасибо вам, спасибо всем, а в следующий раз мы все до единого соберемся у меня дома.

Кругом кричали, снова орали «*Skaal!*» – уж и не помню сейчас, по какому поводу, – и тут леди, сидевшая слева от капитана, подошла ко мне и расцеловала, после чего все прочие леди, сидевшие за капитанским столом, сгрудились вокруг меня и принялись обцеловывать. Это, видимо, воодушевило остальных дам в салоне, так как из них сформировалась целая процессия, направившаяся ко мне за поцелуями, но по пути целовавшая капитана; а может быть, порядок был обратный.

Во время этого парада кто-то унес мою тарелку с бифштексом, относительно которого я строил некоторые планы. Правда, я не слишком горевал о потере, так как бесконечная оргия лобзаний ошеломила меня и погрузила в изумление, ничуть не меньшее, чем история с туземками, которые прошли по углям.

Потрясение я испытал сразу же, как только вошел в обеденный салон. Давайте скажем так: мои спутницы-пассажирки были вполне достойны того, чтобы появиться на иллюстрациях в «Нейшнл географик».

Да! Вот именно! Ну, может, не совсем так, но то, во что они были одеты, делало их куда более голыми, чем те дружелюбные туземки. Я не стану описывать их «вечерние туалеты», ибо не уверен, что смогу это сделать. Более того, я твердо убежден, что делать этого не следует. Ни у одной из них не было прикрыто более двадцати процентов того, что дамы прикрывают на торжественных приемах в том мире, где я родился. Я имею в виду – выше талии. Их юбки, длинные и часто волочащиеся по полу, скроены или разрезаны самым соблазнительным манером.

У некоторых дам верхняя часть платья вроде бы и прикрывала все, но материал был прозрачен как стекло. Ну почти как стекло.

А самые юные дамы, можно сказать почти девочки, уж точно имели все основания занять место на страницах «Нейшнл географик» – больше, чем мои деревенские подружки. Однако почему-то казалось, что девицы куда менее бесстыдны, чем их почтенные родительницы.

Этот расклад я заметил сразу же, как только вошел в столовую. Я старался не пялиться на них, а к тому же капитан и все прочие с самого начала так плотно заняли мое внимание, что у меня не осталось никакой возможности хоть краем глаза полюбоваться этой труднообразимой обнаженностью. Но послушайте, если дама подходит к вам, обвивает вас руками и настаивает на том, чтобы расцеловать вас, то очень трудно не заметить, что на ней надето много меньше, чем нужно для предотвращения заболевания пневмонией. Или другими легочными заболеваниями.

И все же я держал себя в узде, несмотря на растущее оупение и туман в глазах.

Однако даже откровенность костюмов не поразила меня так, как откровенность выражений – таких слов я не слыхивал в общественных местах и очень редко слышал даже там, где собирались одни мужчины. Я сказал «мужчины», поскольку джентльмены не выражаются таким образом даже в отсутствие леди... Во всяком случае, в том мире, который мне знаком.

Самое шокирующее воспоминание моего детства относится к тому дню, когда я, проходя через городскую площадь, увидел толпу, собравшуюся у места Покаяния, что возле здания суда. Присоединившись к ней, чтобы узнать, кто кается и за что именно, я вдруг увидел в колодках моего скаутского наставника. Я чуть в обморок не упал.

Его грех заключался в употреблении неприличных слов, во всяком случае именно так было написано на дощечке, висевшей у него на шее. Обвинителем оказалась собственная жена учителя; тот не отпирался и, признав себя виновным, отдался на милость суда. Судьей же был дьякон Брамби, отродясь не слыхавший слова такого – милость.

Мистер Кирк – мой скаутский наставник – через две недели покинул город, и больше его там никто не видел – такое сильное потрясение испытал человек, будучи выставленным в колодках на всеобщее обозрение. Не знаю, какие именно дурные слова употребил мистер Кирк, но вряд ли они были так ужасны, раз предписанное дьяконом Брамби наказание продолжалось только один день – с восхода до заката.

В тот вечер за капитанским столиком на «Конунге Кнута» я слышал, как милейшая пожилая дама того сорта, из которого получают самые расчудесные бабушки, адресовалась к мужу в выражениях, исполненных богохульства и намеков на кое-какие совершенно запретные сексуальные действия. Если бы она так заговорила в моем родном городе, ее бы выставили в колодках на максимально разрешенный срок, а потом изгнали бы из города (у нас перьями и дегтем не пользуются: это почитается за излишнюю жестокость).

Но сию милую даму на корабле даже никто не укорил. Ее муж просто ухмыльнулся и попросил не волноваться по пустякам.

Под совместным воздействием шокирующих слух речей, чудовищно неприличной обнаженности и двух обильно принятых неизвестных мне, но оказавшихся предательскими напитков я совершенно обалдел. Чужак в стране чужой, я рухнул под бременем незнакомых и повергающих в смятение обычаев. Но, невзирая на все это, я продолжал цепляться за решение выглядеть человеком опытным, ничему не удивляющимся, чувствующим себя здесь как дома. Никто не должен заподозрить, что я не Алек Грэхем – их сотоварищ по круизу, – а какой-то Александр Хергенсхаймер – личность им совершенно неизвестная... у меня было предчувствие, что в этом случае произойдут совершенно ужасные события.

Конечно, я был не прав, ибо нечто ужасное уже имело место. И я действительно оказался абсолютно чужим в этом неимоверно чужом, странном и сбивающем с толку мире... хотя даже теперь, ретроспективно рассматривая случившееся, я не думаю, что мое положение стало бы много хуже, если бы я просто выложил им, в какую ситуацию я попал.

Мне все равно не поверили бы.

А как же иначе? Я и сам-то себе не верил!

Капитан Хансен, насмешливый и не верящий ни в сон ни в чох, зашелся бы от хохота, услышав мою «шуточку», и тут же произнес бы новый тост в мою честь. А если бы я продолжал стоять на своем, он наверняка напустил бы на меня судового врача.

Так что мне легче было продержаться весь этот удивительный вечер, хватаясь за убеждение, что нужно сконцентрировать все силы на безошибочном исполнении роли Алека Грэхема и не позволить никому даже заподозрить, что я жертва подмены, так сказать, кукушонок в чужом гнезде.

Передо мной еще лежал кусок «торта принцессы» – дивное многослойное лакомство, которое я помнил еще со времен того – другого – «Конунга Кнута», и стояла чашечка кофе, когда капитан вдруг встал:

– Пошли, Алек! Нам пора в салон: концерт вот-вот начнется – ждут только меня. Идем! Не собираешься же ты съесть всю эту сладкую липучку? Ты ж от нее обязательно заболеешь! А кофе тебе подадут и в салоне. Но до кофе надо тяпнуть чего-нибудь достойного именоваться мужским напитком, а? Не эту жижицу! Как ты насчет русской водки?

Он подхватил меня под руку. И я уразумел, что направляюсь в салон. Однако отнюдь не по собственной воле.

Концерт в салоне оказался как две капли воды похож на тот, который я в свое время имел счастье лицезреть на теплоходе «Конунг Кнут»: фокусник, производивший потрясающие манипуляции, хотя куда менее удивительные, чем те, которые совершал (или совершил) я сам; тупой остряк, которому следовало бы сидеть в своем кресле и не вставать; хорошенькая девушка-певичка и танцоры. Главные отличия этого концерта от прежних были те же, к которым я уже присмотрелся, – много голого тела и еще больше непристойных слов, но я уже так

отупел от перенесенного шока и аквавита, что дополнительные свидетельства пребывания в чужом мире произвели на меня минимальное впечатление.

На девице, которая пела, из одежды почти ничего не было, а суть ее песенки принесла бы ей одни неприятности даже среди подонков Ньюарка (штат Нью-Джерси). Конечно, это только мое предположение, ибо прямого контакта с этим пресловутым вертепом разврата мне лично иметь не приходилось. Внешность девушки я постарался рассмотреть получше: тут можно было не отводить глаз, поскольку таращиться на артистов считалось *в порядке вещей*.

Если согласиться с тем, что крой и фасон платья имеет право бесконечно варьироваться и это обстоятельство не обязательно губительно воздействует на прочность общественных основ (я лично с подобным утверждением не согласен, но готов его допустить), то лучше, если человек, демонстрирующий подобное разнообразие, молод, здоров и красив.

Певичка была молода, здорова и красива. Я даже почувствовал укол сожаления, когда она вышла из-под луча прожектора.

Гвоздем вечера была группа таитянских танцоров, и меня несколько не удивило, что они оказались обнажены до пояса, если не считать цветов и ожерелий из раковин, – к тому времени я бы скорее поразился, если бы дело обстояло иначе. Но что пока еще вызывало у меня недоумение (хоть, полагаю, удивляться не следовало), так это поведение моих товарищей по круизу.

Сначала труппа – восемь девушек и двое мужчин – исполняла для нас почти те же танцы, которые предшествовали сегодняшнему хождению сквозь огонь, и почти те же, которые я видел в исполнении труппы танцоров на палубе теплохода «Конунг Кнут» в Папэте. Полагаю, вам известно, что таитянская хула отличается от медленной и изящной хулы Гавайского королевства гораздо более быстрым темпом музыкального сопровождения и куда большей энергией исполнения. Я не эксперт в области танцевального искусства, но мне приходилось видеть оба вида хулы в тех самых странах, где они родились.

Я-то лично предпочитаю гавайскую хулу, которую видел, когда «Граф фон Цеппелин» останавливался на день в Хило по пути в Папэте. Таитянская хула кажется мне скорее набором атлетических упражнений, нежели видом танцевального искусства. Но энергия и быстрота делают этот танец особенно впечатляющим благодаря тому, как одеты (или, вернее сказать, раздеты) туземные девушки.

И это еще не все. После ряда танцевальных номеров, включающих парные танцы девушек с каждым из танцоров-мужчин, когда артисты вытворяли такие вещи, которые посрамили бы даже обитателей птичьего двора (я все ждал, что капитан Хансен положит этому конец), вперед выступил судовой церемониймейстер, он же распорядитель круиза.

– Леди и джентльмены, – возгласил он, – а также те, кто, возможно, появился на свет в результате пьянящей, но не слишком законной любви (я принужден воспользоваться правом цензуры, воспроизводя его речь)... вы все, зачинатели моды и ее верные последователи, так сказать, сеттеры и пойнтеры, неплохо воспользовались четырьмя днями, которые наши танцоры провели на судне, и смогли добавить к своему репертуару таитянскую хулу. Сейчас вы получите шанс продемонстрировать результаты своего обучения и получить дипломы, такие же настоящие, как папайи в Папэте. Но вот чего вы не знаете, так это того, что на добром старом «Кнута» есть и другие, кто тоже не сидел сложа руки. Маэстро, ну-ка, вдарьте!

Из комнаты, что помещалась за сценой, вышла еще дюжина танцовщиц хулы, только уже не полинезийки, а девушки европеоидной расы. Одеты они были в туземные наряды – юбочки из травы и ожерелья да цветы в волосах, и больше ничего. А кожа не коричневая, а белая; по большей части они были блондинками, а две – огненно-рыжими.

Ну, это, знаете ли, совсем другое дело. К тому времени я уже готов был согласиться, что полинезийки в своих туземных костюмах выглядят прилично и даже скромно – в каждой

стране свои обычаи. Разве праматерь Ева не выглядела целомудренно накануне грехопадения, одетая лишь в свою невинность?

Но белые девушки в нарядах женщин южных морей смотрелись донельзя непристойно.

Впрочем, это обстоятельство не заставило меня оторвать взгляд от танцовщиц. Меня поразило то, что быстрый и сложный танец девушек ничуть не отличался (на мой непросвещенный взгляд) от танца островитянок. Я даже спросил капитана:

– Они и в самом деле научились так танцевать за четыре дня?

Он хмыкнул:

– Они репетируют в каждом круизе – во всяком случае, те, кто работал у нас и раньше, да и остальные занимались от самого Сан-Диего.

Тут я узнал одну из танцовщиц – это была Астрид, та милая девочка, которая впустила меня в «мою» каюту, – и тогда я понял, почему у них было время и возможность практиковаться – все эти девчонки входили в состав судовой команды. Я посмотрел на нее – точнее, уставился – с интересом. Астрид поймала мой взгляд и улыбнулась. Будучи олухом и недоумком, я, вместо того чтобы улыбнуться в ответ, отвернулся и отчаянно покраснел, стараясь скрыть замешательство с помощью героического глотка из стакана, каким-то образом оказавшегося в моей руке.

Один из танцоров-канаков вихрем подлетел к строю белокожих девушек и пригласил одну на танец. Господи, спаси и сохрани, это была Маргрета!

Я поперхнулся и долго не мог откашляться. Она представляла собой самое ослепительно-прекрасное зрелище, когда-либо возникавшее перед моим взором.

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской...

Живот твой – круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё – ворох пшеницы, обставленный лилиями;

два сосца твои – как два козленка, двойни серны...

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе».

4

*Так, не из праха выходит горе,
и не из земли вырастает беда;
Но человек рождается на страдание,
как искры, чтоб устремляться вверх.*
Книга Иова, 5: 6–7

Я медленно приходил в себя, но если бы вы знали, как мне этого не хотелось: ужасный кошмар гнался за мной по пятам. Я крепко смежил веки, чтобы не видеть света, и попробовал вернуться обратно в сон.

В голове безудержно рокотали туземные барабаны. Я попробовал изгнать их оттуда и зажал уши руками.

Барабаны забили еще громче.

Я отказался от попытки избавиться от них, открыл глаза и поднял голову. Какая ошибка! Мой желудок так бешено заурчал, что даже уши, казалось, зашевелились. Глаза отказывались на чем-то сфокусироваться, а адские барабаны раскалывали голову на части.

Наконец мне удалось заставить глаза смотреть, хотя все вокруг плавало как в тумане. Я огляделся и обнаружил, что нахожусь в незнакомой комнате, лежу на застеленной кровати и раздет лишь наполовину.

Память постепенно возвращалась. Вечеринка на борту корабля. Выпивка! Обильная! Шум. Какие-то голые. Капитан в травяной юбочке лихо отплясывает, а оркестр пытается не отстать от заданного им темпа. Какие-то дамы-пассажирки тоже в травяных юбочках, а какие-то даже без них... дребезжание бамбуковых трещоток, буханье барабанов...

Барабаны...

Барабаны грохотали вовсе не внутри моей головы. Это просто была самая страшная из всех когда-либо испытанных мною головных болей. Какого черта я позволил им...

Не сваливай на них! Ты сам виноват, олух!

Да, но...

«Да, но...» Всегда это самое «да, но...»! всю жизнь от тебя только и слышишь, что «да, но...». Когда же ты образумишься и возьмешь на себя всю ответственность за собственную жизнь и за все, что с тобой происходит?

Да, но ведь в данном случае я ни в чем не виноват. Я же не А. Л. Грэхем. Это не мое имя. И корабль не мой.

Не твой? И не ты?

Разумеется, нет...

Я сел и попытался стряхнуть с себя этот дурной сон. То, что я сел, оказалось ошибкой: голова, конечно, не отвалилась, но колющая боль в основании черепа добавилась к той, что уже терзала мой мозг. На мне были черные брюки и, по-видимому, больше ничего, а сидел я в чужой комнате, которая к тому же медленно кренилась из стороны в сторону.

Штаны Грэхема. Каюта Грэхема. А это непрерывное раскачивание – результат того, что у корабля отсутствуют успокоители бортовой качки.

Нет, это не сон. А если и сон, то я все равно не способен от него отделаться. Зубы сводило, ноги казались чужими. Высохший пот пленкой стягивал кожу, кроме тех мест, где он еще был влажен и липок. Подмышки... Господи, не хочу думать о подмышках!

Рот следовало бы хорошенько прополоскать... щелоком.

Теперь я вспомнил все. Или почти все. Плавающие угли ямы. Туземцы. Разбегающиеся с дороги куры. Корабль, который не был моим кораблем... и все-таки им оказался. Маргрета...

Маргрета!

«Два сосца твоих – как два козленка... ты прекрасна, возлюбленная моя...»

Маргрета среди танцоров, с обнаженной грудью, обнаженными ногами... Маргрета, танцующая с этим мерзким канаком и трясушая своей...

Разве удивительно, что я перебрал?

А ну-ка, заткнись, приятель! Ты надрался еще до этого. А злишься на мальчишку-туземца только потому, что с ней был он, а не ты. Ты же сам жаждал с ней танцевать. Да только не умеешь.

Пляски – тенета Сатаны!

И разве не хотелось тебе уметь так танцевать?

«Как... двойня серны...»

Да. Очень хотелось!

Послышался легкий стук в дверь, затем позвякивание ключей. Дверь приоткрылась, и показалось лицо Маргреты.

– Уже проснулись? Отлично. – Она вошла, неся поднос, закрыла дверь и подошла к постели. – Вот, выпейте-ка это.

– А это что?

– Преимущественно томатный сок. Перестаньте спорить и пейте.

– Мне кажется, я не смогу...

– Сможете. Так нужно. Пейте!

Я с опаской принялся и отпил крохотный глоток. К моему величайшему удивлению, меня не стошнило. Тогда я отпил побольше. После слабого позыва питье прошло и тихо улеглось в желудке. Маргрета протянула две таблетки:

– Примите. И запейте остатком томатного сока.

– Но я никогда не принимаю лекарств!

Она вздохнула и произнесла нечто, чего я не понял. Это был не английский язык. Во всяком случае, он не особо напоминал английский.

– Что вы сказали?

– То, что говаривала моя бабушка, когда дедушка начинал с ней спорить. Мистер Грэхем, примите таблетки! Это всего лишь аспирин, и он вам необходим. Если не будете слушаться, я перестану с вами возиться. Я... я... передам вас Астрид, вот что я сделаю!

– Прошу вас, не надо.

– Нет! Именно так я и поступлю, если вы не будете слушаться. Астрид сменит меня. Вы ей нравитесь... она рассказывала, как вчера вечером вы любовались ее танцем.

Я схватил таблетки, запил их остатком томатного сока – холодного как лед и успокаивающего.

– Да, любовался, пока не увидел вас. После этого я уже глаз с вас не сводил.

Она впервые за все время улыбнулась:

– Да? Вам понравилось?

– Вы были прекрасны! – (А вот твой танец просто похабен, твоя непристойная одежда и твое поведение шокировали меня так, что, вероятно, я потерял год жизни. Все мне было ненавистно... И я ужасно жалею, что не могу увидеть все снова, буквально сейчас же, не теряя ни секунды.) – Вы были необычайно грациозны.

На ее щеках возникли ямочки.

– Я так надеялась, что вам понравится, сэр!

– Так оно и было. А теперь перестаньте угрожать мне своей Астрид.

– Ладно. Не буду до тех пор, пока вы проявляете благоразумие. А сейчас вставайте – и под душ. Сначала очень горячий, потом ледяной. Как в сауне. – Она чего-то ждала. – Вставайте, я сказала. Не уйду, пока душ не будет включен и пар не пойдет клубами.

– Я приму душ... когда вы уйдете.

– И пустите еле тепленькую водичку. Знаю я вас! Вставайте, снимите брюки и под душ! Пока будете его принимать, я принесу завтрак. Скоро камбуз закроется, чтобы готовить ланч, а потому перестаньте тянуть резину... Ну пожалуйста...

– Ой, не могу я завтракать. Во всяком случае не сегодня! Ни за что! – Даже мысль о еде была мне отвратительна.

– Вам *обязательно* надо поесть. Прошлым вечером, как вам прекрасно известно, вы слишком много выпили. Если вы не поедите, будете весь день чувствовать себя разбитым. Мистер Грэхем, я уже кончила обслуживать всех остальных пассажиров и, можно сказать, от дежурства освободилась. Сейчас принесу вам поднос с завтраком, а потом сяду и прослежу, чтобы вы съели все, что на нем будет. – Она поглядела на меня. – Надо было все-таки стащить с вас брюки, когда я укладывала вас в постель, но вы весите слишком много.

– Вы укладывали меня в постель?!

– Мне помогал Ори. Тот парень, с которым я танцевала. – Вероятно, мое лицо выдавало меня, так как она торопливо добавила: – О, я не разрешила ему входить в вашу каюту, сэр. Я сама раздела вас. А вот чтобы втащить вас вверх по лестнице, мне нужна была помощь.

– Янисколько на вас не сержусь. – (А потом ты вернулась на вечеринку? И он с тобой? И ты снова с ним танцевала? «...люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные...» Нет... Нет у меня права на ревность!) – Я чрезвычайно благодарен вам обоим. Наверняка это было весьма неприятное занятие.

– Ну... смельчаки часто напиваются – после того, как минует опасность. Но вообще, конечно, это не дело.

– Верно. – Я встал с постели и направился в ванную. – Я пушу кипяток, честное слово!

Затем я прикрыл дверь и защелкнул задвижку, после чего разделся.

Значит, я был так омерзительен и бесчувственно пьян, что мальчишка-туземец помогал тащить меня до кровати. Алекс, какая же ты позорная дрянь! И нет у тебя никаких прав ревновать эту очаровательную девушку. Она не принадлежит тебе, и в ее поведении нет ничего дурного по стандартам ее мира – какими бы эти стандарты ни были, – и все, что она делала, было сделано ради твоей же пользы и твоего комфорта. А это не дает тебе никаких прав на нее.

Я пустил горячую воду, такую горячую, что бедный старый Алекс в ней чуть не сварился. И выстоял под струями кипятка так долго, что мои нервные окончания почти потеряли чувствительность, а затем резко сменил горячий душ на ледяной... и чуть не заорал от боли.

Я стоял под ледяной водой, пока не перестал ощущать ее как холодную, затем закрыл краны и вытерся, открыв дверь, чтобы выпустить влажный воздух. Вышел в каюту... и тут внезапно обнаружил, что чувствую себя великолепно. Никакой головной боли. Никакого ощущения, что конец света должен наступить с минуты на минуту. Никаких пертурбаций в желудке. Только голод. Алекс, ты больше никогда не должен напиваться, а уж если напьешься, поступай так, как приказывает Маргрета. Тебе повезло: у нее на плечах отличная голова, и ты это обязан ценить.

Весело насвистывая, я открыл платяной шкаф Грэхема.

Услышав, как ключ поворачивается в замке, я мгновенно схватил купальный халат Грэхема и успел его накинуть как раз в ту секунду, когда Маргрета, обремененная тяжелым подносом, попыталась открыть дверь. Я тут же бросился на помощь и придержал дверь. Маргрета опустила поднос на письменный стол и принялась расставлять посуду с едой.

– Вы были совершенно правы насчет душа как в сауне, – сказал я. – Это именно то, что прописал доктор. Или, вернее сказать, медицинская сестра.

- Знаю. Такую штуку бабушка нередко устраивала моему деду.
- Гениальная женщина! Ох как вкусно пахнет! – (Омлет, бекон, щедрая порция датской выпечки, молоко, кофе, тарелка с несколькими сортами сыра, *fladbrod*⁷, тонко нарезанные ломтики ветчины и неизвестные мне тропические фрукты.) – А что говорила ваша бабушка, если дедушка начинал с ней спорить?
- Знаете, она иногда излишне горячилась...
- Зато вы никогда не горячитесь. Ну, скажите же мне.
- Ладно... Она в таких случаях говорила, что мужчины созданы Богом только для того, чтобы испытывать женское долготерпение.
- Что-то в этом есть. А вы с ней согласны?
- И снова улыбка вызвала появление ямочек.
- Я полагаю, что у них есть и кое-какие полезные умения.

Маргрета убрала мою каюту и навела порядок в ванной (о'кей, о'кей, пусть будет каюта *Грэхема* и ванная *Грэхема*. Удовлетворены?), пока я ел. Она достала пару легких спортивных брюк, спортивную рубашку островной раскраски и сандалии, убрала поднос и тарелки, оставив на столе кофе и фрукты. Я поблагодарил ее, когда она уходила, и подумал, не должен ли я предложить дополнительную «плату» и не оказывает ли она те же услуги и другим пассажирам. Это показалось мне не очень вероятным. Но мужества спросить, так ли это, я в себе не нашел.

Я закрыл за ней дверь и принялся тщательно обыскивать каюту *Грэхема*.

Я носил его одежду, спал в его постели, откликался на его имя, а теперь мне предстояло решить, пушусь ли я во все тяжкие и стану подлинным А. Л. Грэхемом или же отправлюсь к властям (к американскому консулу, а если нет, то к кому?) и признаюсь, что выдавал себя за другого, а теперь прошу помощи.

Время торопило меня. Сегодняшний выпуск «Королевского скальда» сообщал, что пароход «Конунг Кнут» должен прибыть в порт Папеезе в три часа дня и отплыть в Масатлан (Мексика) в шесть часов вечера. Судовой казначей известил пассажиров, желающих обменять франки на доллары, что представитель банка Папеезе будет работать на судне прямо напротив каюты казначея с момента прибытия корабля в порт и закончит операции за пятнадцать минут до отплытия. Кроме того, казначей напомнил пассажирам, что их задолженность по счетам бара и судовой лавки должна быть оплачена только в долларах, датских кронах или с помощью подтвержденных аккредитивов.

Вроде все разумно. И в то же время вызывает беспокойство. Я ожидал, что судно пробудет в Папеезе минимум часа двадцать четыре. Заход в порт на три часа казался просто дикостью – ведь получалось, что не успеет судно причалить, как надо будет отплывать. И разве не придется платить за сутки, даже если они пришвартуются всего на три часа?

Однако, напомнил я себе, командование судном меня, в общем-то, не касается. Возможно, капитан просто решил воспользоваться временем между отбытием одного корабля и прибытием другого? Да и вообще, мало ли у него может найтись причин? Единственно, о чем мне следовало беспокоиться, так это о том, что предприму между тремя и шестью часами дня я сам и что мне непременно надо сделать до трех.

Сорок минут тщательных поисков выявили следующее:

одежду – самую разнообразную и без всяких проблем, кроме тех, что связаны с лишней жировой складкой на моей талии;

деньги – франки в бумажнике (не забыть обменять!) и восемьдесят пять долларов там же; три тысячи долларов в ящике стола, там же лежал и футляр с часами *Грэхема*, с его кольцом, запонками и тому подобным. Поскольку часы и другие драгоценности вернулись в свой

⁷ Лепешка (дат.).

футляр, я логично рассудил, что Маргрета сохранила мой доход от пари, которое я (или Грэхем) выиграл у Форсайта, Дживса и Хэншо. Говорят же, что Господь заботится о дураках и пьяницах; если так, то в моем случае он действовал через Маргрету;

всевозможные мелочи, не имевшие отношения к моим сегодняшним проблемам, – книги, сувениры, зубная паста и тому подобное.

Паспорта нет.

Иногда пассажирам не хочется держать при себе паспорт, даже временно покидая корабль. Я сам предпочитаю не таскать свой, если возможно, так как потеря паспорта влечет за собой кучу неприятностей. Вот и вчера у меня не было его с собой... так что теперь он отправился туда, где вьется жимолость и простирается блаженный луг и куда канул теплоход «Конунг Кнут». А где же все это находится? Пока у меня не было времени искать ответ на этот вопрос: уж слишком я был занят проблемами общения с чуждым новым миром.

Если Грэхем брал вчера свой паспорт с собой, стало быть, он вместе с документом провалился сквозь трещину четвертого измерения прямехонько на «блаженный луг». Похоже, так оно и произошло.

Пока я злился, кто-то подsunул под дверь моей каюты конверт.

Я поднял его и открыл. Внутри лежал мой (Грэхема) корабельный счет. Значило ли это, что Грэхем собирался покинуть судно в Папееде? Только не это! Если так случится, я останусь на этих островах до конца моей жизни.

Нет, не то. Скорее, похоже на обычный расчет в конце месяца.

Счет Грэхема за выпивку в баре меня прямо потряс... пока я не обратил внимания на его отдельные пункты. Впрочем, они шокировали меня еще больше, но по другой причине. Если кока-кола стоит два доллара, это не означает, что бутылка стала больше; это значит, что доллар стал меньше.

Теперь я понял, почему триста долларов, на которые я заключил пари... гм... гм... по ту сторону, превратились *здесь* в три тысячи.

Если я собираюсь остаться в этом мире, придется приноровиться к новому масштабу цен. Надо относиться к доллару как к иностранной валюте и мысленно переводить цены, пока к ним не привыкнешь. Например, если считать репрезентативными цены на борту, то первоклассный обед с бифштексом или ростбифом на кости в ресторане первого разряда, ну скажем, в главном ресторанном зале отеля вроде «Браун-палас» или «Марк Хопкинс», может обойтись почти в десять (!) долларов. Ничего себе!

С коктейлями же до обеда и вином к столу счет легко может перевалить и за пятнадцать долларов! А это ведь недельный заработок! Слава Богу, я не пью!

Ты... не... чего?

Послушай, но вчерашний случай – особый.

Вот как! Впрочем, так оно и было. Ведь и невинность теряют только раз. А уж раз она потеряна, то навсегда. А что такое ты пил незадолго до того, как окончательно вырубился? «Датский зомби»? А нет ли у тебя в данную минуту желания принять стаканчик? Чтоб восстановить внутреннее равновесие?

Да я до него в жизни больше не дотронусь!

Поглядим-поглядим, приятель!

А вот и еще один шанс, и, как я надеялся, неплохой. В футляре, где Грэхем хранил драгоценности, лежал ключ, ничем не примечательный, если не считать, что на нем был выбит номер «восемьдесят два». Если судьба мне улыбнется, то он может подойти к ящику сейфа в каюте казначея.

А если судьба сегодня намерена на меня скалиться, то ключ будет от сейфовой ячейки, находящейся где-то в одном из сорока шести штатов, в банке, которого я никогда не увижу. Но не будем каркать, хватит мне и тех неприятностей, которые уже есть.

Я спустился на следующую палубу и отправился на корму.

– Доброе утро, казначей.

– А, мистер Грэхем, хорошо вчера повеселились, не правда ли?

– Ну еще бы! Еще одна такая вечеринка, и из меня дух вон!

– А, бросьте, бросьте! И это говорит мужчина, шагнувший в огонь! Я уверен, вам вчера понравилось. Мне – так даже очень. Чем мы можем быть вам полезны?

Я вынул найденный ключ.

– Я захватил тот ключ? Или он от сейфа в моем банке? Не могу вспомнить.

Казначей взял ключ:

– Да, это наш. Пол! Возьми его и принеси ящичек мистера Грэхема. Мистер Грэхем, не угодно ли вам пройти сюда и присесть к столу?

– Хорошо, спасибо. Хм... а нет ли у вас какого-нибудь мешка или чего-нибудь в этом роде, чтобы положить в него содержимое? Я хотел бы отнести все в свою каюту – надо кое-что проверить.

– Мешок?... Мм... Можно взять сумку в судовой лавке... но... Сколько времени вам потребуется для писанины? К полудню кончите?

– О, разумеется.

– Тогда забирайте ящичек в каюту. Вообще-то, правила этого не позволяют, но их писал я сам, так что можно рискнуть и попробовать нарушить. Однако постарайтесь вернуть до полудня. Мы закрываемся с двенадцати до тринадцати – таковы уж требования профсоюза, – и, если я буду сидеть здесь, когда клерки уйдут на обед, вам придется поставить мне выпивку.

– Да я вам ее и без того поставлю.

– Буду ждать с нетерпением. А вот и ваш ящичек. Только не вздумайте таскать его сквозь пламя.

На самом верху лежал паспорт Грэхема. Тяжесть у меня на душе сразу рассосалась. Не знаю более неприятного чувства потери, нежели то, которое возникает, если вы оказываетесь за границами Союза без паспорта... даже если это и не тот Союз. Открыл паспорт, посмотрел на фотографию. Неужто я так выгляжу? Отправился в туалет, сравнил лицо в зеркале с лицом на фотографии.

Кажется, похож. Впрочем, чего ждать от паспортной фотографии? Попробовал поднести фотографию к зеркалу. Сходство неожиданно резко усилилось. Дружище, да у тебя физиономия кривая!

И у вас тоже, мистер Грэхем.

Приятель, если я собираюсь стать тобой навсегда – а чем дальше, тем больше к тому идет, – то, поскольку выбора у меня нет, приятно узнать, что мы с тобой так похожи. Отпечатки пальцев? Подумаем об этом, когда настанет время. Похоже, США в паспорта отпечатки пальцев не клеивают – это уже облегчение. Занятие: управляющий. Управляющий чем? Похоронной конторой? Или транснациональной сетью отелей? Ладно. Надеюсь, как-нибудь разберемся, а пока не важно. Адрес: для передачи через адвокатскую контору «О’Хара, Ригсби, Крумпакер и Ригсби», офис 7000, Смит-Билдинг, Даллас. Ну просто очаровательно! Только адрес для писем – ни домашнего, ни адреса работы нет. Ах ты, фальшивка! С удовольствием врезал бы тебе по морде!

(Нет. Отвращения, должно быть, он не вызывал: Маргрета о нем хорошего мнения. Да... вот только свои лапы держал бы от нее подальше – он же явно хотел злоупотребить ее довер-

чивостью. А это некрасиво! Это *кто же* собирается злоупотребить ее доверчивостью? Смотри, парень, заработаешь раздвоение личности!)

В конверте под паспортом лежал отрывной талон пассажирского билета Грэхема: он действительно совершал круиз по маршруту Портленд – Портленд. Слушай, близнец, если ты не появишься до шести вечера, я попаду домой. А ты, возможно, воспользуешься моим билетом на «Адмирал Моффет». Желаю удачи.

Были там еще какие-то мелочи, но большую часть стальной шкатулки занимали десять пухлых заклеенных конвертов вроде тех, которыми пользуются в конторах. Один из конвертов я вскрыл.

Он был набит тысячедолларовыми банкнотами – ровно сотня. Я быстренько проверил остальные конверты. Всюду то же самое. Один миллион чистоганом!

5

*Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним;
а праведник смел, как лев.*

Книга притчей Соломоновых, 28: 1

Еле переведя дух от волнения, я отыскал в письменном столе Грэхема клейкую ленту и опять заклеил конверты. Вложил в ящичек все, что там было, кроме паспорта, который спрятал вместе с тремя тысячами долларов, каковые считал своими, в маленький ящик стола. После чего отнес стальной ящичек в каюту казначея, стараясь обращаться с ношей как можно бережнее.

За столом в приемной был кто-то другой, но из своего кабинета казначей меня заметил.

– Привет! – сказал он, выходя в приемную. – Так быстро вернулись?

– Да, – ответил я. – Это потому, что раз в кои-то веки все сошлось. – Я передал ему ящичек.

– С удовольствием взял бы вас к себе на службу. У нас тут никогда ничего не сходится. Во всяком случае, пока не просидим до полуночи. Ну, пошли поищем чего-нибудь выпить. Мне это позарез нужно.

– Мне тоже. Идем.

Казначей провел меня в бар на открытом воздухе; на плане судна я этого заведения прежде не заметил. Палуба над нами была короче, и палуба D продолжалась уже как прогулочная, по ее блестящим тиковым доскам ходить было чрезвычайно приятно. Край палубы С частично нависал над ней, образуя как бы крышу; тут же был раскинут шатер бара, о котором я говорил. Под прямым углом к стойке стояли длинные буфетные столы с разнообразными закусками для ланча; несколько пассажиров уже образовали очередь. Еще ближе к корме находился плавательный бассейн, оттуда слышались всплески, визг и радостные возгласы.

Казначей привел меня на корму к маленькому столику, занятому двумя младшими офицерами. Мы остановились.

– Эй, вы, парочка! А ну-ка, прыгайте за борт!

– Есть, казначей!

Они встали, захватили стаканы с пивом и ушли дальше на корму. Один из них улыбнулся мне и кивнул, будто мы были хорошо знакомы. Я тоже кивнул ему:

– Привет!

Часть столика находилась в тени тента. Казначей спросил:

– Желаете сидеть под солнцем и любоваться на девиц? Или отдохнуть в тенечке?

– А мне все равно. Садитесь где хотите, а я займу свободное место.

– Хм-м... Давайте-ка чуть-чуть подвинем столик, и тогда оба окажемся в тени. Вот так, достаточно.

Он сел лицом к носу корабля, а я получил вид на плавательный бассейн. Мое первоначальное впечатление подтвердилось: здесь можно было обходиться без таких безнадежно устаревших вещей, как купальные костюмы.

Я вполне мог бы сделать такое заключение и чисто логическим путем, приложи я некоторые умственные усилия, чего, однако, не сделал. В последний раз, когда я наблюдал такое – я говорю о купании нагишом, – мне было лет двенадцать, а подобное времяпрепровождение считалось привилегией мужчин от двенадцати и моложе.

– Я спрашиваю, что вы будете пить, мистер Грэхем?

– Ох, извините, я не услышал.

– Так я и понял. Вы глядели. Так чего же мы выпьем?

– Э-э-э... «Датский зомби».

Казначей прямо глаза вылупил:

– А не рановато ли? От этого напитка черепушка может треснуть. Мм... – Он поманил пальцем кого-то стоявшего за моей спиной. – Эй, красотка! Подойди-ка к нам.

Я оторвал взгляд от бассейна как раз в ту минуту, когда официантка, которую он подозвал, подошла к столу. Я взглянул на нее, отвел глаза, потом взглянул снова. Я уже видел ее сквозь алкогольный туман вчера вечером – это была одна из двух рыженьких танцовщиц хулы.

– Попроси Ганса сделать нам «сильвер-физ», две штуки. Кстати, а как тебя зовут, малютка?

– Мистер Хендерсон, попробуйте еще раз притвориться, что забыли мое имя, и я вылью выпивку прямо вам на лысину!

– Хорошо, мое сокровище. А теперь поторопись, дай своим толстым ножкам поработать. Она фыркнула и ускользнула прочь – ноги были стройными и изящными.

Казначей добавил:

– Чудесная девочка! Ее родители живут прямо напротив моего дома в Оденсе. Я знаю ее чуть ли не с рождения. Она и умненькая к тому же. Бодель собирается стать ветеринаром, до окончания курса ей остался еще год.

– Вот как! Но как же она совмещает учебу с работой?

– Большинство наших девушек учатся в университете. Кое-кто работает летом, на каникулах, другие берут отпуск на семестр и отправляются в море, отдыхают и заодно зарабатывают деньги для оплаты следующего семестра. Нанимая девушек на работу, я отдаю предпочтение тем, кто сам пробивает себе дорогу в университет; они более надежны и знают больше языков. Возьмите, например, горничную, которая обслуживает вашу каюту. Астрид?

– Нет, Маргрета.

– Ах да, вы же в сто девятой. У Астрид носовые каюты по левому борту. А у Маргреты – по правому. Маргрета Свенсдаттер Гундерсон. Школьная учительница. Английский язык и история. Знает четыре языка, в двух из которых – дипломированный специалист, и это не считая скандинавских. Она взяла годичный отпуск в средней школе имени Г. Х. Андерсена. Готов побиться об заклад, туда она больше не вернется.

– Э-э... А почему?

– Выйдет замуж за богатого американца. А вы богаты?

– Я? Неужели я похож на богача?

А вдруг ему известно, что находится в ячейке сейфа? Господи Боже мой, да что же делать с миллионом долларов, который мне не принадлежит? Нельзя же выбросить деньги за борт? И почему Грэхем путешествовал с такой огромной суммой наличных? Я мог бы предложить несколько объяснений, но все одинаково плохие, то есть с примесью криминала. Любое из них ввергло бы меня в еще большие неприятности, чем те, которые я уже имел.

– Ну, богатые американцы никогда не выглядят богачами. Есть специальные курсы, где их учат не быть похожими на толстосумов. Я, конечно, говорю о североамериканцах. Южноамериканцы – это, знаете ли, совсем другой сорт. Гертруда, спасибо. Ты славная девочка.

– Ах, вы все-таки хотите, чтобы я облила вам лысину?

– А ты хочешь, чтоб я швырнул тебя в бассейн прямо в одежде? Веди себя повежливей, милочка, иначе я пожалуюсь твоей мамаше. Давай сюда выпивку и приготовь счет.

– Счета не будет: Ганс угощает мистера Грэхема. А заодно приходится угощать и вас. За компанию.

– Скажи ему, что так он скоро разорит бар, и добавь, что я вычту деньги из его жалованья.

Так получилось, что я выпил два «сильвер-физа» вместо одного и оказался бы на верном пути к катастрофе, подобной вчерашней, если бы мистер Хендерсон не решил, что нам

следует закусить. А мне ужасно хотелось выпить третий. Первые два позволили мне позабыть тревоги, связанные с идиотской сейфовой ячейкой, полной денег, и одновременно повысили мою способность извлекать удовольствие из зрелища, которое преподнес нам палубный бассейн. Я обнаружил, что воспитанное в течение всей жизни может бесследно исчезнуть всего за двадцать четыре часа. Нет ничего греховного в том, чтобы любоваться женскими прелестями непредвзято. Это такое же невинное занятие, как любование цветами или котятми, – только оно доставляет куда больше удовольствия.

И вот тут-то мне захотелось выпить еще.

Мистер Хендерсон наложил на выпивку вето, подозвал Бодель и обменялся с ней быстрыми фразами на датском языке. Она ушла и вернулась через несколько минут, неся поднос, тесно уставленный блюдами: холодные закуски, горячие мясные тефтельки, корзиночки из сладкого теста с начинкой из мороженого, крепкий кофе – и все это в невероятно большом количестве.

Минут через двадцать пять я все еще с удовольствием наблюдал за молодежью в бассейне, но уже сошел с пути, ведущего к новой алкогольной катастрофе. Я настолько отрезвел, что ясно осознавал не только невозможность решения всех своих проблем с помощью выпивки, но и необходимость отказаться от крепких напитков вообще до тех пор, пока не решу эти проблемы, ибо пить такие напитки я явно не умею. Дядюшка Эд был прав: порок нуждается в упражнении и постоянной практике, в противном случае, исходя из прагматических соображений, добродетель будет направлять нас даже в том случае, если узы морали откажутся играть роль сдерживающей силы.

Моя мораль перестала быть такой силой, иначе я не сидел бы здесь со стаканом дьявольского зелья в руке и не любовался обнаженной женской плотью.

И тут я обнаружил, что не испытываю ни малейших угрызений совести из-за своего поведения. Мое единственное сожаление было вызвано печальным открытием, что я не могу вынести ту дозу алкоголя, которую мне хотелось принять. «В ад спуститься нетрудно...»

Мистер Хендерсон встал:

– Мы причалим меньше чем через два часа, а мне предстоит подделать еще парочку цифр, пока агент компании не поднялся на борт. Спасибо за приятное общество.

– Это я *вас* должен благодарить, сэр. *Tusind tak*⁸. У вас на родине так, кажется, говорят?

Он улыбнулся и вышел. Я посидел еще немного и поразмыслил. Еще два часа до прибытия в порт, потом три часа на берегу. Что же делать мне с этим временем и возможностями, которые оно мне предоставляет?

Пойти к американскому консулу? И что сказать ему? Дорогой мистер консул, я не тот, за кого себя выдаю, и только что обнаружил в своем кармане целый миллион долларов...

Чудовищно!

Никому ничего не говорить? Хапнуть миллиончик? Сойти на берег и первым воздушным кораблем вылететь куда-нибудь в Патагонию?

Не выйдет. Моя мораль дала трещину, – видимо, она никогда не была особо прочной. Но предубеждение против воровства осталось. Воровать не просто плохо, это ниже человеческого достоинства.

Уж и то плохо, что я ношу чужую одежду.

Тогда возьми те три тысячи, которые по праву принадлежат тебе, подожди, пока корабль отплывет, а потом попробуй вернуться в Америку, если тебе это удастся.

Глупейшая мысль! Загремишь в тропическую тюрьму, и этот дурацкий поступок не принесет Грэхему ни малейшей пользы. Опять выбор без выбора, дурачок! Придется оставаться

⁸ Тысяча благодарностей (*дат.*).

на борту и ждать возвращения Грэхема. Сам он, может, и не появится, передаст сообщение по беспроводной связи или что-то в этом духе... Вот и сиди, грызи ногти, пока пароход не отплывет. А когда отплывет, возблагодари Бога за возможность вернуться домой, в Божью страну. А Грэхем наверняка сделает то же со своим билетом на «Адмирал Моффет». Интересно, а нравится ему именоваться Хергенсхаймером? Больше, чем мне Грэхемом, готов поспорить. Хергенсхаймер – благородная фамилия.

Я встал, перешел на другой борт и поднялся двумя палубами выше – в библиотеку, которая оказалась пустой, если не считать женщины, решавшей кроссворд. У нас не было намерения мешать друг другу, так что покой не нарушился. Большая часть шкафов оказалась закрыта, библиотекарь отсутствовал, но многократно читанная энциклопедия стояла на месте, а это было все, что мне требовалось для начала.

Примерно через два часа меня испугал звук сирены, означавший, что мы получили разрешение войти в порт. Итак, мы прибыли. К тому времени я уже почерпнул изрядную долю сведений из области чуждой для меня истории и чуждых идей, и переварить их было страшно трудно. Начать с того, что в этом мире Уильям Дженнингс Брайан среди президентов страны не числился. В 1896 году вместо него был избран Мак-Кинли, пробывший на этом посту два срока, а за ним место президента занял какой-то Рузвельт.

Никого из президентов двадцатого века я вообще не обнаружил.

Вместо более чем столетнего периода мира, явившегося следствием нашей незыблемой политики нейтралитета, Соединенные Штаты многократно участвовали в войнах с иностранными государствами: в 1899 году, в 1912–1917-м, в 1932-м (с Японией!), в 1950–1952-м, в 1980–1984-м и так далее, вплоть до нынешнего года или, точнее, года издания энциклопедии. О том, идет ли сейчас война, «Королевский скальд» не упоминал.

За стеклом одного из шкафов я заметил несколько книг по истории. Если через три часа я все еще буду на судне, мне стоит прочесть каждую историческую книгу, которая тут найдется, посвятив этому занятию все время длинного обратного пути в Америку.

Но знание имен президентов и дат войн не входило в число моих ближайших задач: они ведь к сегодняшнему дню прямого отношения не имели. Мне прежде всего необходимо было узнать (ибо невежество могло принести мне что угодно, начиная от мелких неудобств и кончая полным провалом) различия между моим миром и этим в том, как живут люди, как говорят, как ведут себя, едят, играют, молятся, любят. И пока я буду этому учиться, надо быть очень осторожным, не болтать лишнего и как можно больше прислушиваться к тому, что говорят другие.

У меня когда-то был сосед, чье знание истории ограничивалось двумя датами – 1492 и 1776 годами, но даже они у него путались, ибо он не был уверен до конца, что именно обозначала каждая из них. Его невежество в остальных вопросах отличалось такой же глубиной, и тем не менее он умудрялся зарабатывать очень прилично, мостя городские улицы.

Чтобы функционировать как существо общественное и экономическое, человеку не обязательно иметь широкое образование... главное – знать, в каких случаях следует втирать себе в пупок голубую глину. Однако единственная крошечная ошибочка в местных обычаях может подвести вас под суд Линча.

Интересно, а что сейчас поделявает Грэхем? И тут я понял, что ситуация, в которую он попал, куда серьезней и опасней моей... если допустить (а, видимо, это неизбежно), что мы с ним просто поменялись местами. Ведь мое воспитание может выставить меня в этом мире всего лишь несколько эксцентричной личностью, зато его привычки вполне способны вовлечь Грэхема в весьма серьезные неприятности. Случайная фраза или совершенно невинный поступок могут привести его прямехонько в колодки и даже хуже того.

А с еще большими сложностями он столкнется, если попытается сыграть мою роль... если он попытается... Разрешите мне проиллюстрировать эту мою мысль таким примером: в день рождения жены, после того как мы уже вместе прожили год, я преподнес Абигайль роскошное издание «Укрощения строптивой». Так она даже не заподозрила, что я на что-то намекаю: ее убежденность в собственной непогрешимости исключает всякую возможность предположения, что в глубине души я могу приравнять ее к Кейт. Если Грэхем займет мое место в качестве ее мужа, то супружеские отношения почти наверняка окажутся весьма интересными для обеих сторон.

Лично я, по здравом размышлении, не пожелал бы Абигайль даже врагу. Ну а поскольку моего мнения никто не спрашивал, то крокодиловых слез я лить не стану.

Интересно, а каково все-таки делить ложе с женщиной, которая не всегда будет отзываться о супружеских отношениях как о «семейной повинности»?

Итак, передо мной двадцатитомная энциклопедия, миллионы слов, упакованных в статьи, содержащие все важнейшие реалии этого мира, – реалии, которые столь критически важны для меня. Что я могу извлечь из них за такое короткое время? С чего начать? Мне ни к чему знать о греческом искусстве, об истории Древнего Египта, о геологии... но что же мне надо?

Ладно... что первым бросилось тебе в глаза в этом мире? Сам корабль. Его архаичность, если сравнивать его с изящным теплоходом «Конунг Кнут». Затем, когда ты оказался на борту, отсутствие телефона в твоей (Грэхема) каюте. Отсутствие пассажирских лифтов. Мелочи, которые придают судну атмосферу роскоши... прадедовских времен.

А потому прочтем-ка статью «Корабли» в десятом томе. Да, сэр! Три страницы рисунков и фотографий... и все как будто переключались из «лилового десятилетия». Пароход «Британия» – самый большой североамериканский лайнер – берет две тысячи пассажиров, но делает всего лишь шестнадцать узлов. Ну и выглядит соответственно.

А теперь общая статья «Транспорт».

Ну и ну! Впрочем, мы не так уж и удивлены, не правда ли? Воздухоплавательные аппараты даже не упоминаются. Посмотрим-ка справочный том... воздухоплавательные корабли... ничего, дирижабли... ноль, авиация... смотри воздушный шар.

Ага! Да, хорошая статья о неуправляемых полетах на воздушных шарах, с упоминанием о Монгольфье и других отважных пионерах, даже о смелой и трагической попытке Соломона Андре покорить на воздушном шаре Северный полюс. Граф же фон Цеппелин в этом мире или не родился вообще, или не удосужился заняться проблемами авиации.

Возможно, после участия в американской гражданской войне он вернулся в Германию и не нашел там той благоприятной атмосферы для идеи воздушных полетов, которую встретил в штате Огайо в моем мире. Словом, получилось так, что *этот* мир остался без воздушного сообщения вообще. Алекс, если тебе придется тут остаться, то, может быть, ты захочешь стать «изобретателем» воздушных кораблей? Сделаться пионером воздухоплавания и капиталистом – знаменитым и богатым?

А почему ты воображаешь, что у тебя получилось бы?

Ну хотя бы потому, что свой первый полет на воздухоплавательном судне я совершил, когда мне исполнилось всего двенадцать лет! Я о них все знаю. Мог бы нарисовать план хоть сию минуту!..

Мог бы? Ну-ка, нарисуй мне производственный чертеж облегченного двигателя весом не более фунта на одну лошадиную силу. Укажи спецификацию используемых сплавов, температурный режим их обработки, состав график операционных циклов, дай характеристику топлива, смазочных масел, приведи список поставщиков...

Но все эти вещи можно рассчитать и изобрести заново!

Да, но сможешь ли это сделать *ты*? Даже зная, что такие изобретения вполне реальны? Вспомни, почему ты сбежал из технического училища, решив, что тебя тянет к карьере священнослужителя? Сравнительный анализ религий, гомилетика, критическая философия, апологетика, древнееврейский, латынь, греческий – для всего этого нужна усидчивость и хорошая память, а хитроумная техника требует еще и ума.

Так-с, значит, я к тому же и глуп?

А разве ты полез бы сквозь пламя, если бы у тебя хватило соображения, что высовывать нос слишком далеко – вредно для здоровья?

А почему же ты меня не остановил?

Останавливать тебя? А когда это ты ко мне прислушивался? Нет уж, прекрати выкручиваться – какая у тебя была последняя оценка по термодинамике?

Ладно! Признаю, что сам вряд ли сумел бы...

Как благородно с твоей стороны!

Отцепись, а? Знание, что нечто подобное может быть сделано, – уже треть успеха. Я мог бы стать директором отдела научных исследований и руководить работой нескольких настоящего талантливых инженеров. Они вложили бы в дело свой интеллект, а я – уникальную память о том, как выглядят дирижабли и как они работают. О'кей?

Вот это правильное разделение труда: ты вкладываешь память, они – интеллект. Да, из этого может выйти толк. Но не скоро и не дешево. Как ты собираешься финансировать предприятие?

Гм... продавать акции?

А ты вспомни то лето, когда ты продавал пылесосы!

Ну... в конце концов, ведь есть же еще миллион долларов...

Постыдился бы!

– Мистер Грэхем?

Я вынырнул из своих грандиозных замыслов и увидел, что передо мной стоит девушка-клерк из казначейства.

– Да?

Она протянула мне конверт:

– От мистера Хендерсона, сэр. Он сказал, что, возможно, вы сразу передадите ответ.

– Благодарю вас.

Записка гласила: «Дорогой мистер Грэхем! На судно явились три человека, которые якобы условились встретиться с вами. Мне не нравится ни их вид, ни манера разговаривать, да и вообще в этом порту множество темных личностей. Если вы их не ждали или не хотите видеть, велите посыльной передать, что она не смогла вас найти. А я тогда скажу им, что вы сошли на берег. А. П. Х.».

Несколько долгих и неприятных мгновений я разрывался между любопытством и осторожностью. Неведомым типам нужен был не я. Им нужен Грэхем... и что бы они ни надеялись получить от Грэхема, я все равно не смогу удовлетворить их желания.

Нет, ты *знаешь*, что им нужно!

Я подозреваю. Но даже если бы у них была расписка с подписью самого святого Петра, я не имею права передать им – или кому-либо еще – этот дурацкий миллион. И тебе это прекрасно известно.

Разумеется, известно. Но мне хотелось узнать – известно ли это тебе самому? Ладно, раз обстоятельств, при которых ты мог бы передать трем неизвестным содержимое шкатулки Грэхема, не существует, зачем тебе с ними видеться?

Потому что я хочу разобраться! А теперь заткнись! И я сказал девушке-клерку:

– Пожалуйста, передайте мистеру Хендерсону, что я сейчас спущусь. И благодарю вас за любезность.

– Для меня это было удовольствие, сэр. Э-э-э... мистер Грэхем, я видела, как вы шли через огонь. Вы были потрясающе!

– Просто нашло временное умопомрачение. Еще раз спасибо.

Я остановился на верхней площадке пассажирского трапа и попытался определить, что представляет собой неведомая троица. В общем, они выглядели так, будто их специально создали для того, чтобы причинять неприятности ближним. Один был здоровенный громила, ростом шесть футов восемь дюймов, с руками, ногами, челюстями и ушами, которые, казалось, свидетельствовали о застарелом гигантизме; другой – этакий огрызок, ростом в четверть первого, а третий – неприметный тип с мертвыми глазами. Мускулы, мозг и «пушка» – или это мое излишне живое воображение?

Умный человек ушел бы тихонько и забился в свою нору.

Но я не блещу умом.

6

...Будем есть и пить, ибо завтра умрем.
Книга пророка Исаии, 22: 13

Я спустился по лестнице, не глядя на подозрительных типов, и отправился прямо к каюте казначея. Мистер Хендерсон, дождавшись, когда я подойду к столу, тихонько сказал:

– Вон они, трое. Вас ждут. Вам они знакомы?

– Нет. Пойду-ка я разузнаю, что им надо. А вы, пожалуйста, не спускайте с нас глаз, ладно?

– Договорились.

Я повернулся и пошел чуть в стороне от этого очаровательного трио. Один из них, что выглядел поумнее, громко окликнул меня:

– Грэхем! Пойдите! Куда это вы намылились?

Не замедляя шага, я бросил:

– Засохни, идиот! Ты что, хочешь все погубить?

Громила загородил мне дорогу и навис надо мной как небоскреб. «Пушка» занял позицию у меня за спиной. В наилучшем псевдотюремном стиле, цедя слова углом рта, я прохрипел:

– Прекрати бардак и убери с корабля своих горилл. Мне с тобой надо поговорить.

– Вот и поговорим. *Isi*. Здесь. И сейчас же.

– Ты законченный болван, – ответил я спокойно, опасливо глядя по сторонам и на трап. – Ни в коем случае не здесь. «Жучки». Иди за мной. Но пусть эти Матт и Джефф ждут нас на берегу.

– *Non*.

– Господи, дай мне терпение! Слушай внимательно! – Я зашептал: – Сначала скажи этим скотам, чтобы духу их не было на судне; пусть ждут внизу, у трапа. А мы отправимся на прогулочную палубу, где можно разговаривать, не опасаясь, что нас подслушают. Иначе у нас с тобой ничего не выйдет, и я доложу номеру первому, что ты запорол сделку. Понятно? А теперь выбирай, и побыстрее, – иначе мотай отсюда, доложишь, что сделка не состоялась.

Он подумал, затем быстро произнес несколько фраз по-французски, из которых я ничего не понял, поскольку в изучении этого языка не продвинулся дальше «*La plume de ma tante*»⁹. Громила, по-моему, колебался, но тот, что с пушкой, пожал плечами и пошел к трапу.

– Пошли, – сказал я коротышке, которого мысленно прозвал Прыщом. – Не теряй времени. Корабль вот-вот отойдет. – И направился к корме, даже не оглядываясь, следует он за мной или нет.

Я нарочно пошел быстро, чтоб он оказался перед выбором – или бежать вприпрыжку, или потерять меня из виду. Я был настолько же крупнее его, насколько Громила – больше меня; и, чтоб не отстать, ему пришлось припустить бегом.

Я вышел на прогулочную палубу и прошел мимо бара и столиков прямо к плавательному бассейну.

Последний, как я и надеялся, оказался пуст: судно стояло в порту. Обычное в таких случаях объявление гласило: «ЗАКРЫТ НА ВРЕМЯ СТОЯНКИ». Бассейн был окружен хлипким ограждением в виде однорядного каната, воду в нем не спустили. Я остановился у самого каната, спиной к бассейну. Прыщ шел за мной. Я поднял руку:

– Стой где стоишь!

Он остановился.

⁹ Писчее перо моей тетушки (*фр.*).

– Теперь поговорим, – начал я. – Объясни, да поподробнее, какого дьявола ты надумал привлечь к себе внимание и притащил своего громилу на корабль? Да еще на датский! Босс на тебя очень, очень рассердится. Тебя как зовут?

– Не твое дело. Где пакет?

– Какой еще пакет?

Он начал орать и брызгать слюной, но я тут же оборвал его:

– Не валяй дурака! Меня этим не возьмешь! Корабль готов к отплытию, у тебя осталось лишь несколько минут. Ну-ка, быстро объясни, что конкретно тебе надо, и убеди меня, что ты именно тот, кто должен *это* получить. Если не перестанешь надувать щеки, то окажешься в положении человека, которому предстоит вернуться к боссу и рассказать, что провалил дело. А потому выкладывай: что тебе надо?

– Пакет!

Я вздохнул:

– Что, заело, придурок? Все это мы с тобой уже проходили. Какой такой пакет? Что в нем?

Он помолчал.

– Деньги.

– Любопытно. А много?

На сей раз молчание длилось вдвое дольше, и мне снова пришлось заговорить:

– Если не скажешь, сколько там денег, я дам тебе пару франков на пиво и отправлю восвояси. Ты этого хочешь? Два франка?

Даже странно, что у такого тощего хлюпика оказалось такое высокое кровяное давление. Наконец ему удалось выдавить из себя:

– Американские доллары. Один миллион.

Я расхохотался ему в лицо:

– Да откуда ты взял, что у меня столько денег? А если бы и было, то неужто ты полагаешь, что я бы такие деньги вот так запросто отдал тебе? Откуда мне знать, что именно *ты* должен их получить?

– Да ты спятил, парень! Ты же знаешь, кто я такой!

– Докажи это. У тебя глаза какие-то не такие и голос звучит иначе. Я думаю, что ты мошенник.

– Мошенник?

– Фальшак. Подделка. Выдаешь себя за другого.

Он что-то злобно прошипел, надо думать, по-французски. И полагаю, в его речи начисто отсутствовали комплименты в мой адрес. Я покопался в памяти и, тщательно выговаривая, с большим чувством произнес высказывание, брошенное прошлым вечером той самой леди, муж коей попенял ей, что она напрасно волнуется по пустякам. Фраза не полностью соответствовала данной ситуации, но в мои намерения входило лишь поиграть на его нервишках.

Видимо, это мне удалось. Он занес руку для удара, но я схватил его за кисть, намеренно поскользнулся и рухнул спиной в бассейн, увлекая его за собой. Падая, я завопил изо всех сил:

– Помогите!!!

Мы бултыхнулись в воду. Я в него крепко вцепился, вынырнул и снова потащил под воду.

– Помогите!!! Он меня хочет утопить!!!

Мы снова ушли на дно, борясь друг с другом. Я орал, требуя помощи, каждый раз, когда моя голова оказывалась над водой. А когда помощь пришла, то разом обмяк и отпустил противника.

Я не подавал признаков жизни до тех пор, пока мне не начали вдувать воздух прямо в рот. Тут я, конечно, чихнул и открыл глаза.

– Где я?

Кто-то воскликнул:

– Он пришел в себя! Теперь все в порядке.

Я огляделся и обнаружил, что лежу на спине, рядом с бассейном. Кто-то так профессионально выдернул меня из воды, что чуть было не оторвал мне левую руку напрочь. Если не считать этого, я был в полном порядке.

– Где он? Тот, который толкнул меня в воду?

– Убежал.

Я узнал голос и повернул голову. Мой друг, мистер Хендерсон, судовой казначей.

– Убежал?

Вот и все. Пока меня вытаскивали на палубу, мой визитер с крысиной рожой выбрался из бассейна и задал стрекача. А когда меня «привели в чувство», Прыщ вместе со своими телохранителями был уже далеко.

Мистер Хендерсон заставил меня лежать до прихода судового врача. Тот приставил к моей груди стетоскоп и объявил, что у меня все о'кей. Я соврал что-то, похожее на правду, и уклонился от дальнейших объяснений. Трап уже убрали, и громкий гудок возвестил, что мы покинули причал.

Разумеется, я не счел нужным сообщить, что в школе считался хорошим игроком в водное поло.

Следующие несколько дней были особенно приятны, что доказывало справедливость поговорки, будто самый сладкий виноград всегда растет на склонах действующих вулканов.

Мне удалось познакомиться (или, если угодно, возобновить знакомство) с моими компаньонами по столу, не возбудив, по-видимому, у них ни малейших подозрений на свой счет. Я узнавал их имена из общих разговоров, запоминал их – и потом пользовался этим. Все со мной были милы – теперь я не только не сидел «ниже солонки», ибо список пассажиров показывал, что я нахожусь на судне с начала круиза, но и стал знаменитостью, если не героем, потому что прошел сквозь пламя.

Плавательным бассейном я больше не пользовался. Я не знал, хорошо ли плавал Грэхем или нет, и, будучи «спасенным», не хотел рисковать, показав умение плавать, что не вписывалось в историю о спасении. Кроме того, хотя я и по привычке (и даже стал получать удовольствие) к определенной степени женской обнаженности, которая в прошлой жизни меня здорово шокировала бы, я все же не был уверен, что смогу держаться в компании нудистов с апломбом.

Поскольку делать больше ничего не оставалось, я выкинул из головы таинственную историю с Крысиной Мордой и его телохранителями.

То же касалось и главной и всеобъемлющей тайны – кто я такой и как сюда попал; раз сделать ничего нельзя, то не стоит и волноваться. Подумав немного, я решил, что нахожусь примерно в том же положении, как и все на свете: мы не знаем, кто мы такие, откуда взялись и зачем тут пребываем. Моя дилемма была просто поновее, но по сути ничем не отличалась от общей.

Одна вещь (может быть, даже единственная), которую я усвоил в семинарии, заключалась в том, чтобы хладнокровно смотреть в лицо древнейшей тайне жизни и не огорчаться своей неспособностью эту тайну разгадать. Честные священники и проповедники лишены утешения религии; вместо этого им приходится жить, довольствуясь суровой наградой, даваемой философией. Я никогда не был настоящим метафизиком, но все же научился не волноваться из-за вещей, изменить которые не в силах.

Много времени я проводил в библиотеке или в шезлонге на палубе, читая, и с каждым днем почерпывал что-то новое об этом мире и ощущал себя в нем все более уверенно. Золотые счастливые дни бежали быстро, точно сны моего далекого детства.

И каждый день была Маргрета.

Я чувствовал себя мальчугом, впервые испытавшим приступ щенячьей влюбленности. То был очень странный роман. Мы не говорили о любви. Возможно, я не мог, а Маргрета просто молчала. Каждый день она была для меня прислугой (как и для других гостей-пассажи-ров)... и «мамочкой» (и для других тоже? Вряд ли... не знаю точно). Отношения наши были теплые, но не интимные. Но ежедневно, в течение нескольких минут, когда я «платил» ей за услуги типа завязывания бабочки, она превращалась в удивительно нежную и невообразимо страстную возлюбленную.

Но только на эти мгновения.

В остальное время я был для нее «мистер Грэхем», она называла меня «сэр» – дружелюбно, тепло, но не интимно. Она охотно болтала со мной, но только стоя у открытой двери; частенько делилась корабельными сплетнями. Ее манеры всегда были манерами отлично вышколенной горничной... Поправка: безукоризненными манерами члена команды, отвечающего за обслуживание пассажиров. Каждый день я узнавал о ней что-то новое. И не мог отыскать в ней ни единого изъяна.

Для меня день начинался с того момента, когда я встречал ее, – это бывало обычно, когда я шел завтракать и сталкивался с Маргретой либо в коридоре, либо видел ее в открытую дверь каюты, которую она прибирала... Всего лишь: «Доброе утро, Маргрета» и «Доброе утро, мистер Грэхем», – но солнце для меня вставало только после этого.

За день я виделся с ней несколько раз, но вершиной наших встреч становился ритуал завязывания галстука-бабочки.

Потом я обычно видел ее мельком после ужина. Сразу же после него я на несколько минут возвращался в каюту, чтобы освежиться перед вечерними развлечениями – танцами в салоне, концертом, игрой или очередным походом в библиотеку. В это время Маргрета нередко находилась где-то в носовой части коридора правого ряда кают палубы С: стелила постели, приводила в порядок ваннные комнаты и так далее – словом, подготавливала каюты своих «гостей» к ночному сну. И опять я говорил ей: «Привет», – а потом ждал в своей каюте, куда она приходила, чтобы постелить мне постель и спросить: «Вам что-нибудь понадобится еще вечером, сэр?»

А я неизменно улыбался и отвечал: «Решительно ничего, Маргрета. Большое спасибо». В ответ она желала мне спокойной ночи и добрых сновидений. Этим и заканчивался мой день – чем я занимался до той минуты, когда засыпал, значения уже не имело.

Конечно, мне так и хотелось – каждый день! – сказать ей: «Ты же знаешь, что мне нужно». Но я не мог. *In primis*¹⁰: я был женат. Правда, моя жена затерялась где-то в другом мире (или это я затерялся?), но нет освобождения от священных уз брака по сию сторону могилы. *Item*¹¹: любовная связь Маргреты (если таковая имела место) была с Грэхемом, роль которого я лишь исполнял. Я был не в состоянии отказаться от вечернего поцелуя (не ангел же я, в конце концов), но, если я хотел остаться чистым перед моей любовью, я не имел права пойти дальше. *Item*: благородный человек не может предложить объекту своей любви нечто меньшее, чем брак, а я этого не мог сделать ни с правовой точки зрения, ни тем более с моральной.

Так что сладость золотых денечков отдавала горечью. Каждый из них приближал меня к неизбежной минуте, когда я расстанусь с Маргретой и больше ее никогда не увижу.

Я даже не имел права намекнуть ей, как велика для меня эта потеря.

И в то же время моя любовь отнюдь не была столь альтруистической, чтоб я надеялся, будто расставание со мной не принесет Маргрете особого горя. В низости своей, будучи эгоистичен, как мальчишка, я тешил себя надеждой, что она будет страдать в разлуке не меньше, чем я сам. Такова уж эта «щенячья» влюбленность! В качестве извинения могу привести лишь

¹⁰ Во-первых (лат.).

¹¹ Также (лат.).

тот факт, что мне лично была известна лишь «любовь» женщины, которая любила Иисуса столь сильно, что на привязанность к существу из плоти и крови у нее чувств уже не оставалось.

Ни в коем случае не связывайте себя брачными узами с женщиной, которая слишком много молится.

Прошло десять дней с тех пор, как мы покинули Папэте, и Мексика должна была вот-вот показаться из-за горизонта, когда наша зыбкая идиллия вдруг рухнула. Вот уже несколько дней Маргрета как-то отдалялась от меня. Обвинить ее ни в чем я не мог, так как не располагал никакими конкретными фактами, и, уж конечно, не было ничего такого, что дало бы мне право на нее жаловаться. Кризис наступил вечером, в тот момент, когда она, как обычно, завязывала мне бабочку.

Как всегда, я улыбнулся, сказал спасибо и поцеловал ее.

Затем отстранился, все еще продолжая держать ее в объятиях, и спросил:

– Что случилось? Я же знаю, что ты умеешь целоваться куда лучше. У меня дурно пахнет изо рта?

На что она холодно ответила:

– Мистер Грэхем, по-моему, нам лучше с этим покончить раз и навсегда.

– А, я уже «мистер Грэхем»? Маргрета, в чем я перед тобой провинился?

– Ни в чем.

– Но тогда... Моя дорогая, ты плачешь?!

– Извините. Я не смогла удержаться.

Я вынул носовой платок, промокнул ей слезы и мягко сказал:

– Я не хотел тебя обидеть. Скажи, в чем дело, и я все исправлю.

– Раз вы не понимаете этого сами, сэр, я не вижу возможности вам что-то объяснить.

– А ты попробуй. Прошу тебя! – (Может быть, это просто один из периодических приступов излишней эмоциональности, которые свойственны всем женщинам?)

– Мистер Грэхем... я знала, что это все равно может продолжаться только до конца круиза, и, поверьте, ни на что другое не рассчитывала. И все же для меня это нечто большее, чем для вас. Однако я никогда не предполагала, что вы оборвете все так просто, без всяких объяснений и гораздо раньше, чем это станет необходимо.

– Маргрета, я не понимаю...

– Но вы же все прекрасно знаете!

– Я? Я совершенно ничего не знаю!

– Нет, вы не можете не знать! Вот уже одиннадцать дней я вас каждый вечер спрашиваю, а вы отвечаете мне отказом. Мистер Грэхем, неужели вы никогда не попросите меня зайти к вам попозже?

– Ох! Так вот ты о чем! Маргрета...

– Да, сэр?

– Я не мистер Грэхем!

– Сэр?

– Моя фамилия Хергенсхаймер. И сегодня как раз одиннадцать дней с тех пор, как я увидел тебя впервые в жизни. Прости. Прости, прошу тебя. Это чистая правда.

7

*Но прошу вас, взгляните на меня:
буду ли я говорить ложь пред лицом вашим?*
Книга Иова, 6: 28

Маргрета одновременно и утешение для глаз, и человек в высшей степени воспитанный. Она ни разу не раскрыла в изумлении рта, не принялась спорить, не воскликнула: «Не может быть!» или «Не верю!». Выслушав все, что я ей сказал, она помолчала, выждала, не последует ли продолжение, а потом спокойно ответила:

– Не понимаю.

– Я сам ничего не понимаю, – отозвался я. – Что-то произошло, когда я пересекал пышущую огнем яму. Мир внезапно изменился. Этот корабль... – Я стукнул по переборке. – Это совсем не тот корабль, на котором я плыл раньше! Здесь меня называют Грэхемом, тогда как я знаю, что меня зовут Александр Хергенсхаймер. И дело не только во мне или в корабле – дело в самом мире. У него другая история. Другие страны. У вас, например, нет воздухоплавательных судов.

– Алек, а что такое воздухоплавательное судно?

– Гм... Такая штука, которая летает в воздухе наподобие воздушного шара. И в некоторой степени это действительно воздушный шар. Но он движется очень быстро, со скоростью более ста узлов в час.

Маргрета спокойно обдумала сказанное.

– По-моему, это очень опасно.

– Вовсе нет. Это самый лучший способ путешествия. Я прилетел сюда на таком корабле – «Граф фон Цеппелин» Североамериканской аэрокомпании. В твоём мире воздухоплавательных кораблей не существует. Именно это и послужило для меня окончательным доказательством, что ваш мир – иной мир и что это не хитроумный розыгрыш, который кто-то затеял ради меня. Воздушные сообщения – важная часть экономики известного мне мира, без них меняется практически все. Вот, например... Слушай, а ты мне веришь?

Она ответила медленно и задумчиво:

– Я верю, что ты говоришь мне правду – такую, какой она тебе представляется. Однако правда, которую вижу я, совсем иная.

– Я понимаю. В том-то и заключается вся трудность моего положения. Я... Ой, погоди, тебе же пора, не то пропустишь ужин.

– Это не важно.

– Нет, важно: негоже тебе голодать только потому, что я сделал дурацкую ошибку и обидел тебя. А если я не появлюсь за столом, Инга пришлет кого-нибудь выяснять, не заболел ли я, не заснул ли, не случилось ли чего, – она всегда так делает. Маргрета, моя любимая! Я так хочу тебе все рассказать! Я так долго ждал этого! Мне просто необходимо с тобой поделиться! Теперь я могу и даже обязан сделать это. Однако для такого разговора мало пяти минут, его нельзя вести, так сказать, на ходу. Когда ты вечером покончишь с постелями, у тебя найдется время выслушать меня?

– Алек, я всегда найду время, раз тебе это нужно.

– Отлично! Иди вниз и поешь. Я тоже спущусь, перехвачу чего-нибудь – отделаюсь от Инги, – а потом мы встретимся здесь же, когда ты освободишься. Ладно?

Она задумчиво посмотрела на меня:

– Хорошо, Алек... Поцелуй меня еще раз.

Вот так я понял, что она поверила мне. Или хочет поверить. Тут-то я и перестал волноваться. Я даже поужинал с аппетитом, хоть и очень торопился.

Когда я вернулся, она уже ждала меня и при моем появлении встала. Я сжал ее в объятиях, поцеловал в нос, приподнял за локти и усадил на кровать, потом уселся на единственный стул.

– Дорогая, как ты думаешь, может быть, я спятил?

– Алек, я не знаю, что и тумать.

(«Тумать» – именно так она и выговорила слово «думать». Иногда, под влиянием эмоций, ее акцент становился более заметным, обычно же ее английский звучал куда лучше моего резкого и скрипучего, как визг заржавленной пилы, говора уроженца Кукурузного пояса.)

– Я знаю, – согласился я, – у меня та же проблема. Есть только две возможные точки зрения: либо, пока я шел через огненную яму, случилось нечто невероятное, нечто такое, что изменило мир, – либо я свихнулся, как енок в неволе. Целыми днями я перебирал в уме все известные мне факты и... пришел к выводу, что мир действительно изменился. Тут не одни воздухоплавательные корабли. Куда-то подевался кайзер Вильгельм Четвертый, а на его месте появился какой-то дурацкий президент Шмидт, ну и прочее в том же духе.

– И герр Шмидт вовсе не дурацкий, а вполне приличный президент по сравнению с прочими немецкими президентами.

– Вот об этом я и говорю. Мне любой немецкий президент представляется дурацким, ибо Германия – в моем мире – одна из последних европейских монархий, ничем не ограниченных и в то же время весьма эффективных с политической точки зрения. Даже царь и тот не обладает такими правами.

– И я говорю о том же, Алек. У нас нет ни кайзеров, ни царей. Великий князь Московский является конституционным монархом и не претендует на то, чтобы считаться сюзереном других славянских стран.

– Маргрета, мы оба говорим об одном и том же. Мир, в котором я рос, исчез. Мне приходится заново познавать совершенно другой мир... нет, не совершенно другой. География, по-видимому, не изменилась, а история – не полностью. Оба мира, кажется, были идентичны до начала двадцатого века. Или, скажем, до тысяча восьмьсот девяностого года. Около сотни лет назад случилось нечто непонятное, и мир раскололся надвое... А двенадцать дней назад произошло нечто столь же странное, но уже со мной, и меня выкинуло в этот чужой мир. – Я улыбнулся ей. – Но я не жалею. И знаешь почему? Потому что в этом мире есть *ты*.

– Спасибо. А для меня бесконечно важно, что в нем есть ты.

– Тогда, значит, ты мне веришь. Вот и я вынужден поверить. Поверить так, что перестал волноваться по поводу случившегося. Беспокоит меня только одно: что стало с Алеком Грэхемом? Занял ли он мое место в моем бывшем мире? Или что?

Она не ответила мне, а когда наконец заговорила, то ее слова ошеломили меня своей бессмысленностью.

– Алек, будь добр, сними, пожалуйста, брюки.

– Что ты сказала, Маргрета?

– Будь так добр. Я вовсе не шучу и в еще меньшей степени собираюсь соблазнять тебя. Но я должна кое-что проверить. Пожалуйста, спусти брюки.

– Не понимаю... ну хорошо...

Я умолк и сделал так, как она просила, хоть это и очень нелегко, когда на тебе вечерний костюм. Пришлось сначала снять парадный китель, потом пояс-камербанд, и только после этого я смог сбросить с плеч подтяжки.

Затем, весьма неохотно, начал расстегивать ширинку. (Еще один недостаток этого мира – в нем отсутствуют «молнии». Я мало ценил их до того, как обнаружил полное отсутствие таковых.)

Наконец, тяжело вздохнув, я чуть приспустил брюки:

– Хватит?

– Еще немного, если можно... и не откажи в любезности, повернись ко мне спиной.

Я опять повиновался. Потом почувствовал, как ее руки мягко и осторожно коснулись моей правой ягодицы. Маргрета приподняла полу моей сорочки и оттянула верхний край кальсон с правой стороны.

Секунду спустя она произнесла:

– Все. Спасибо.

Я заправил рубашку в брюки, застегнул ширинку, надел подтяжки и взялся за камербанд, но тут Маргрета сказала:

– погоди, Алек.

– Э? А я думал, что уже все.

– Да, все. Но зачем тебе сейчас вечерний костюм? Хочешь, я достану твои домашние брюки? И рубашку. Ты же не собираешься возвращаться в салон?

– Нет, конечно. Во всяком случае, если ты останешься.

– Я останусь, нам надо поговорить. – Она быстро достала рубашку и домашние брюки, положила их на кровать, сказала: – Извини, пожалуйста, – и вышла в ванную.

Не знаю – надо ей было воспользоваться туалетом или нет, но она понимала, что мне удобнее переодеться в каюте, чем в крошечной ванной комнате.

Я переоделся и сразу почувствовал себя лучше. Жилет и крахмальная сорочка лучше смиренной рубашки, но ненамного. Выйдя из ванной, Маргрета первым делом повесила на вешалку сброшенную мной одежду – все, кроме сорочки и воротничка, потом вынула и спрятала запонки, а сорочку и воротничок бросила в мешок для грязного белья. Интересно, что сказала бы Абигаиль, увидев все эти действия, столь характерные для заботливых любящих жен? Абигаиль никогда этим не занималась – она считала, что мужчин не следует портить чрезмерной опекой.

– К чему все это, Маргрета?

– Мне надо было кое-что проверить. Алек, ты стараешься разгадать, что произошло с Алеком Грэхемом? Теперь я знаю ответ.

– И что же?

– Он здесь. Ты и есть он.

Когда ко мне вернулся дар речи, я спросил:

– И основой для такого утверждения послужило лицезрение нескольких квадратных дюймов моей задницы? И что же ты там обнаружила, Маргрета? Родинку, которая свидетельствует о том, что я – чей-то пропавший наследник?

– Нет, Алек. Твой Южный Крест.

– Мой... что?

– Алек, ох, я тебя умоляю! Я так надеюсь, что это поможет восстановить твою память! Я увидела его в ту первую ночь, когда мы... – Она потупилась, а потом посмотрела мне прямо в глаза. – Когда мы занимались любовью. Ты зажег свет, а потом перевернулся на живот, посмотреть, который час. Вот тогда-то я и увидела эти родинки на правой ягодице. Я что-то сказала насчет узора, который они образуют, и мы немного пошутили на эту тему. Ты еще сказал, что это твой Южный Крест, чтобы ты не забыл, где у тебя верх, а где низ. – Маргрета слегка покраснела, но не отвела взгляда. – А я показала тебе несколько своих родинок. Алек, мне ужасно жаль, что ты этого не помнишь, но, прошу тебя, верь мне. К тому времени мы уже

были так близки, что вполне могли шутить на подобные темы, и я несколько не боялась, что ты сочтешь меня нескромной или бесцеремонной.

– Маргрета, я вообще не могу представить тебя нескромной или бесцеремонной, но ты придаешь слишком большое значение дурацкому узору, в который случайно сложились родинки. У меня их уйма, и я несколько не удивляюсь тому, что там, где мне их не разглядеть, образуют что-то вроде креста... Не удивляюсь я и тому, что и у Грэхема был похожий узор.

– Не похожий, а точно такой же!

– Ну... есть же лучшая возможность проверить. В столе лежит мой бумажник. Вернее, бумажник Грэхема. Там его водительское удостоверение. С отпечатком большого пальца. Я не сверял его, поскольку полностью уверен, что он – Грэхем, а я – Хергенсхаймер и что мы вовсе не один и тот же человек. Вот мы с тобой сейчас и проверим. Достань бумажник, дорогая. Убедись сама. Я поставлю свой отпечаток на зеркале в ванной. А ты их сравни. И тогда ты все поймешь.

– Алек, но я *точно* знаю. Раз ты не веришь – вот и проверяй.

– Что ж...

Предложение Маргреты показалось мне разумным, я согласился.

Я достал водительское удостоверение Грэхема, затем прижал большой палец к зеркалу в ванной, сначала потерев им нос, ибо на поверхности носа естественных жировых выделений больше, чем на подушечке пальца. Оказалось, что отпечаток на зеркале плохо различим, поэтому я отсыпал на ладонь немного талька и сдунул его на стекло.

Стало еще хуже. Порошок, которым пользуются сыщики, должно быть, гораздо мельче, чем тальк для бритвы. А может, я просто не умею с ним обращаться. Я сделал еще один отпечаток, на сей раз без талька, поглядел на оба, потом на свой правый большой палец, потом на отпечаток на удостоверении, затем попытался проверить, действительно ли на удостоверении помещен именно правый отпечаток. Мне показалось, что так оно и есть.

– Маргрета, будь добра, пойдی сюда.

Она вошла в ванную.

– Вот, взгляни, – сказал я. – Посмотри внимательно на все четыре вещи – на мой большой палец и на эти три отпечатка. Главным элементом всех четырех являются дуги, но это, вообще-то говоря, характерно для половины отпечатков больших пальцев во всем мире. Готов поспорить на любую сумму, что и на твоих больших пальцах преобладает дуговой рисунок. Положа руку на сердце, можешь ли ты утверждать, что отпечаток на удостоверении сделан моим правым или даже левым пальцем? Те, кто брал отпечатки у Грэхема, могли ведь и ошибиться.

– Ничего не могу сказать, Алек. В таких делах я не знаток.

– Что ж... Я думаю, даже знаток ничего не разберет при таком плохом освещении. Отложим-ка все до утра: нам нужен яркий солнечный день. А еще нам понадобится хорошая белая бумага с блестящей поверхностью, чернильная подушечка и большая лупа. Больше чем уверен, что первое, второе и третье найдется у мистера Хендерсона. Ну что, подождем до завтра?

– Разумеется. Но мне эта проверка ни к чему. Алек, я чувствую правду сердцем. А еще я видела твой Южный Крест. У тебя что-то произошло с памятью, но все равно ты – это ты... и когда-нибудь память к тебе вернется.

– Все не так просто, дорогая. Я твердо знаю, что я не Грэхем. Маргрета, нет ли у тебя хоть каких-то предположений о том, чем занимался Грэхем? Или почему он оказался на этом корабле?

– А мне обязательно говорить «он»? Я не спрашивала тебя о делах, Алек, а ты никогда не выражал желания обсуждать их со мной.

– Да, по-моему, тебе лучше говорить «он», во всяком случае до тех пор, пока мы не сверим отпечатки пальцев. Он был женат?

– Опять-таки я не спрашивала, а он ничего не говорил.

– Но ты намекнула... нет, даже прямо сказала, что занималась любовью с человеком, которого ты считаешь мной, и что ты спала с ним.

– Алек, ты меня осуждаешь?

– Нет, что ты! – (Но я осуждал, и она это понимала.) – С кем ты спишь – твое дело. Но я должен предупредить: я женат.

– Алек, я и не помышляла о брачном союзе с тобой, – с каменным лицом заявила она.

– То есть с Грэхемом? Меня тут не было.

– Хорошо, пусть с Грэхемом. Я не ловила Алека Грэхема. Мы занимались любовью только потому, что это дарило радость нам обоим, мы были счастливы. О браке никто из нас не упоминал.

– Извини. Зря я завел этот разговор. Я думал, что это поможет прояснить всю эту загадочную историю. Маргрета, поверь, я, скорее, отсеку себе руку или вырву глаз и брошу от себя, чем причину тебе боль, хотя бы и самую малую.

– Спасибо, Алек. Я тебе верю.

– Еще Иисус сказал: «Иди и впредь не греши». Надеюсь, ты не думаешь, будто я так много о себе возомнил, что способен судить кого-либо строже, чем Иисус? Я вообще тебя не осуждаю, я просто пытаюсь разузнать что-нибудь о Грэхеме. В особенности о его делах. Гм... у тебя случайно не было оснований заподозрить его в каких-либо незаконных делишках?

На ее губах мелькнула чуть заметная улыбка.

– Если бы я даже что-то и заподозрила, то никогда не высказала бы свое подозрение вслух. Я ему доверяю. И хотя ты настаиваешь, что ты не он, я могу повторить то же самое и в отношении тебя.

– *Touche!*¹² – Я глуповато усмехнулся.

Сказать ей о ячейке в сейфе? Да, конечно. Нужно во всем честно признаться и убедить Маргрету в том, что и ее откровенность со мной не будет предательством по отношению к Грэхему (или ко мне).

– Послушай, Маргрета, я спрашиваю не из праздного любопытства, не потому, что сую нос в дела, которые меня не касаются. У меня возникли проблемы, и мне необходим твой совет. Ее встревожили мои слова.

– Алек... Я редко даю советы, потому что не люблю этого делать.

– А можно, я просто расскажу тебе о своих неприятностях? Совет ты мне давать не обязана, но, возможно, сможешь мне разобраться в ситуации. – Я вкратце изложил ей все, что касалось проклятого миллиона долларов. – Маргрета, тебе не приходит в голову хоть какая-нибудь вполне невинная причина, по которой честный человек стал бы таскать с собой миллион долларов наличными? Дорожные чеки, кредитные письма или аккредитивы, даже бонусы на предъявителя – да! Но наличность! Да еще в таком количестве! По-моему, психологически это невозможно точно так же, как физиологически невозможно то, что произошло со мной в яме с горящими углями. Можешь ли ты предложить мало-мальски убедительное объяснение? Ради какой законной цели человек возьмет с собой в круиз такую уйма наличных?

– Не мне об этом судить.

– А я и не прошу тебя судить. Просто напряги воображение и скажи, зачем человек взял с собой миллион долларов чистоганом? Ты можешь придумать хоть какую-нибудь причину? Ну хоть самую маловероятную. Лишь бы резонную.

– Причин может быть сколько угодно.

– Назови хоть одну.

Я ждал, она молчала. Я вздохнул и сказал:

¹² Задет! (*фр.*) – восклицание при фехтовании.

– Вот и я не могу. Криминальных, разумеется, сколько угодно, ибо так называемые «паленые деньги» всегда перевозят наличными. Это настолько распространено, что почти во всех странах – нет, пожалуй, даже в любой стране – всякий перевод наличности в сколь-либо значительных размерах, который осуществляется без участия банков или государственных организаций, правительство считает заведомо криминальным, пока не будет доказано обратное. Если же банкноты фальшивые, то все это выглядит еще хуже. Поэтому, Маргрета, мне и нужен совет: что мне делать с деньгами? Они не мои, я не могу забрать их с корабля. По той же причине не могу и оставить. Я не вправе даже выбросить их за борт. Так что же мне с ними делать?

Мой вопрос был отнюдь не риторическим: следовало найти ответ, который не привел бы меня за тюремную решетку в наказание за преступление, совершенное Грэхемом. Пока единственное, до чего я додумался, – отправиться к высшей власти на корабле, то есть к капитану, рассказать ему о моих затруднениях и попросить взять этот несчастный миллион на хранение.

Какой вздор! Это породило бы новый поток пренеприятнейших вопросов, характер которых зависел бы от того, поверит мне капитан или нет, честен ли он или нет, и от множества других обстоятельств. Вдобавок я не предвидел никаких иных последствий от беседы с капитаном, кроме того, что меня запрут – либо в тюремную камеру, либо в сумасшедший дом.

Простейшее решение такой запутанной проблемы заключалось в том, чтобы выбросить эту дрянь за борт!

Увы, это шло вразрез с моими моральными устоями. Да, я нарушил одни заповеди и обошел другие, но в финансовых вопросах всегда был честен. Признаюсь, в последнее время мои моральные устои были уже не так прочны, как раньше, однако кража чужих денег, даже с целью уничтожения, меня не соблазняла.

Существовало и еще одно, более важное обстоятельство: кто, держа в руках миллион долларов, сможет его уничтожить? Может, вам такие люди известны, а вот мне – нет. Без всяких усилий над собой я мог передать деньги капитану, а вот выбросить был не в состоянии.

Тайком вынести на берег? Алекс, как только ты заберешь его из сейфа, это будет кража. Ты готов пожертвовать самоуважением ради миллиона долларов? А ради десяти миллионов? А ради пяти долларов?

– Ну, Маргрета?

– Алек, по-моему, решение очевидно.

– Э?

– Просто ты пытаешься решать свои проблемы не с того конца. Сначала ты должен вернуть память. Тогда ты узнаешь, зачем взял с собой деньги. И окажется, что по какой-то совершенно невинной и вполне логичной причине. – Она улыбнулась. – Я знаю тебя лучше, чем ты сам. Ты хороший человек, Алек, ты не преступник.

Мои ощущения были весьма сумбурны: с одной стороны, я чувствовал раздражение, а с другой – гордость от столь лестной оценки моей персоны – раздражения было больше, чем гордости.

– К черту! Милая моя, я не терял память! Я не Алек Грэхем, я – Александр Хергенсхаймер. Это имя я носил всю жизнь, и память у меня в полном порядке. Знаешь, как звали мою учительницу во втором классе? Мисс Эндрюс. А как я совершил свой первый полет на воздухоплавательном корабле, когда мне было двенадцать лет? Да, я действительно явился из мира, где воздушные корабли пересекают океаны и летают даже над Северным полюсом, где Германия – монархия, где Северо-Американский Союз вот уже сто лет пожинает плоды мира и процветания, а корабль, на котором мы сейчас плывем, считался бы устаревшим и настолько скверно оборудованным и тихоходным, что никто на него не купил бы билета. Да, я просил помощи, но не психиатрической. Если ты думаешь, что я спятил, – так и скажи, и мы прекратим этот бесполезный разговор.

– Прости, я тебя рассердила.

– Моя дорогая! Ты меня не рассердила, просто я выплеснул на тебя свое беспокойство и раздражение, чего делать не следовало. Извини. Но, видишь ли, мои невзгоды вполне реальны и никуда не денутся, сколько ни тверди, что у меня проблемы с памятью. Даже если бы мне действительно отказала память, то и тогда говорить об этом не имеет смысла, ведь проблемы все равно останутся. Зря я на тебя взъелся, Маргрета, ты – единственное, что есть у меня в этом чужом и страшном мире. Прости меня.

Она встала с кровати.

– Ты ни в чем не виноват, Алек. Но продолжать разговор сегодня не стоит. А вот завтра... Завтра мы сверим отпечатки пальцев, сверим тщательно, при ярком солнечном свете. И тогда ты увидишь... Может быть, это мгновенно вернет тебе память.

– Или столь же мгновенно сокрушит твое упрямство, моя драгоценная девочка.

Она улыбнулась:

– Увидим. Завтра. А теперь пойду-ка я спать. Какой смысл повторять одни и те же доводы... и попусту расстраивать друг друга? Мне этого совсем не хочется, Алек. Ничего хорошего это не принесет.

Она повернулась и пошла к двери, даже не попросив поцеловать ее на ночь.

– Маргрета!

– Да, Алек?

– Вернись и поцелуй меня.

– А зачем, Алек? Ты же женатый человек.

– Гм... Ну, ради Бога... ведь поцелуй еще не измена.

Она грустно покачала головой:

– Знаешь ли, Алек, есть разные поцелуи. Я бы не целовала тебя так, как целовала раньше, если бы не была готова с радостью заняться любовью. Для меня это счастливое и вполне невинное занятие... а для тебя – измена. Ты даже напомнил мне, что сказал Христос женщине, уличенной в прелюбодеянии. А я не грешила... и не собираюсь вовлекать тебя во грех. – Она снова повернулась к выходу.

– Маргрета!

– Да, Алек?

– Ты спрашивала, не собираюсь ли я снова пригласить тебя зайти ко мне попозже. Так вот, я прошу. Сегодня. Ты придешь ко мне попозже?

– Это грешно, Алек. Для тебя это грех, а стало быть, он превратит все в грех и для меня – ведь я буду знать, как ты это расцениваешь.

– Грех! Я не знаю, что такое грех. Знаю только, что ты мне нужна... и думаю, что нужен тебе.

– Спокойной ночи, Алек. – И она быстро вышла из каюты.

Прошло немало времени, прежде чем я решил почистить зубы, умыться, а затем еще раз принять душ. Я пустил еле теплую воду и слегка успокоился. Но когда я улегся в постель, то долго не мог заснуть, предаваясь тому, что считал размышлениями, хотя на самом деле это занятие таковым не являлось.

Я вспоминал многочисленные серьезные ошибки, совершенные мною за все годы жизни, перебирал их одну за другой, считая с них пыль и подвергая тщательному изучению, чтоб понять, как я превратился в тупого, неуклюжего, безмозглого, самодовольного, упрямого как осел идиота и как, добившись успеха в этом похвальном начинании, унизил и ранил самую лучшую и самую милую женщину на свете.

Подобным никчемным самобичеванием я могу заниматься чуть ли не всю ночь, особенно если перед этим наговорил невероятное количество глупостей. Мое сегодняшнее поведение было вполне достойно того, чтоб я неделями таращился в потолок.

Было уже за полночь, когда меня разбудил звук ключа, вставляемого в замок. Я нашарил кнопку прикроватного ночника как раз в тот миг, когда Маргрета сбросила халат и улеглась рядом со мной. Я тут же выключил свет.

Она была теплая и нежная. Она дрожала и плакала. Я ласково обнял ее и попытался успокоить. Ни она, ни я не произнесли ни единого слова. Слишком уж много слов было сказано раньше, и большая часть их, к сожалению, принадлежала мне. Пришло время, когда нужно было только крепко обняться и говорить без слов.

Наконец бившая ее дрожь стала стихать, а потом прошла совсем. Дыхание выровнялось. Она вздохнула и еле слышно произнесла:

- Я не могла оставаться одна.
- Маргрета, я люблю тебя.
- Ах, и я люблю тебя, да так, что сердце щемит.

Столкновение произошло, когда мы оба уснули. Поначалу я и вовсе думал, что не засну, но все-таки расслабился – впервые после хождения по углям – и, конечно же, задремал.

Первым был невероятной силы толчок, который едва не сбросил нас с кровати, затем послышался пронзающий барабанные перепонки визг гнущегося, разрывающегося металла. Я включил ночник и увидел, как переборка в изножье кровати медленно выгибается вовнутрь.

Раздался сигнал общей тревоги, что усилило и без того оглушительный шум. Стальной борт корабля вздулся и с треском лопнул; в дыру просунулось нечто белесое и очень холодное. Свет погас.

Уже не помню, как я выбрался из кровати и выволок Маргрету. Корабль тяжело накренился на левый борт, мы покатались к внутренней переборке. Я ударился о дверную скобу, уцепился за нее правой рукой и повис, а левой рукой изо всех сил прижимал к себе Маргрету. Теперь корабль завалился на правый борт. В каюту через пробоину ворвался холодный ветер и хлынула вода – мы все это чувствовали, но ничего не видели. Корабль выпрямился, потом снова резко лег на правый борт, и я выпустил скобу.

То, что произошло потом, – мои догадки; кругом стояла кромешная тьма и раздавалась безумная какофония звуков. Мы упали – я крепко держал Маргрету – и вдруг оказались в воде.

Видимо, когда судно завалилось на правый борт, нас вышвырнуло в пробоину. Повторяю, это лишь догадки. Мне точно известно лишь то, что мы упали вместе и довольно глубоко ушли под воду.

Когда мы вынырнули, я все еще прижимал к себе Маргрету левой рукой, почти как настоящий спасатель на водах. Мне удалось оглядеться и набрать в легкие воздуха, а потом нас снова накрыло волной.

Корабль шел где-то совсем рядом. Дул холодный ветер, раздавался непонятный скрежет, рядом с бортом виднелась какая-то темная громада. Больше всего меня пугал корабль, точнее, его двигатель, гребной винт за кормой. Кюта С-109 была ближе к носу, однако, если не удастся отплыть подальше от судна, нас с Маргретой смелет в фарш. Я еще крепче прижал ее к себе и, изо всех сил загребая одной рукой и колотя ногами, устремился прочь от корабля. Я уже торжествовал победу, ощущая, что грозящая нам опасность почти миновала... и вдруг с размаху врезался головой в отвердевшую мглу.

8

*И взяли Иону и бросили его в море;
и утихло море от ярости своей.*
Книга пророка Ионы, 1: 15

Мне было удобно и не хотелось просыпаться. Но дергающая боль в голове раздражала, и хочешь не хочешь, а проснуться пришлось. Я потрянул головой, словно отгоняя назойливую боль, и тут же набрал полный рот воды. Я откашлялся.

– Алек? – раздался голос Маргреты где-то совсем рядом.

Я лежал на спине в соленой, теплой, как кровь, воде; меня окружала беспросветная тьма – я как будто вернулся в материнское чрево, если такое возможно по сию сторону смерти. А может быть, это и есть смерть?

– Маргрета?

– Ах! Ох, Алек! Какое счастье. Ты так долго спал! Как ты себя чувствуешь?

Я пошарил вокруг, проверил одно, другое, подвигал третьим и четвертым и понял наконец, что завис в воде рядом с Маргретой, которая тоже лежит на спине, поддерживая мою голову руками – классическая поза спасателей из Красного Креста. Она делала медленные лягушачьи движения ногами, чтобы удержаться на поверхности.

– По-моему, со мной все в порядке. А как ты?

– Все хорошо, дорогой, особенно теперь, когда ты проснулся.

– Что случилось?

– Ты врезался головой в гору.

– В какую гору?

– В ледяную. В айсберг.

(Айсберг? Я старался припомнить все, что произошло.)

– Что еще за айсберг?

– Да тот, который налетел на корабль.

Кое-что припоминалось, но ясной картины пока не возникало. Ужасный толчок, будто судно с ходу наткнулось на риф, а затем мы оказались в воде... Попытка отплыть подальше, удар обо что-то головой...

– Маргрета! Мы же в тропиках, почти на широте Гавайских островов. Откуда тут взяться айсбергу?

– Не знаю, Алек.

– Но это... – Я хотел сказать «невозможно», а потом подумал, что из моих уст это прозвучит глупо. – Вода здесь слишком теплая для айсбергов. Послушай, да не напрягайся ты так, в соленой воде я плаваю не хуже мыла «Айвори».

– Ладно. Но я все равно тебя придержу. В темноте я тебя уже чуть не потеряла и ужасно боюсь, как бы это не повторилось. Мы упали в довольно холодную воду, а теперь она теплая. Значит, айсберг уже далеко.

– Конечно, держись за меня. Я тоже не хочу тебя потерять.

Я вспомнил, что поначалу вода и впрямь была холодна. Или это просто показалось после чудесной теплой постели? И ветер был студеным.

– А что случилось с айсбергом?

– Не знаю, Алек. В воду мы упали вместе. Ты схватил меня и оттащил подальше от корабля. Именно это нас и спасло. Однако было так темно, как бывает только в декабрьские ночи, поднялся сильный ветер, и в непроглядной тьме ты врезался головой в лед. Вот тогда я тебя чуть не потеряла. От удара ты лишился чувств и выпустил меня. Я ушла под воду,

нахлебалась, потом всплываю, отплеываюсь, а тебя не нахожу. Алек, я никогда в жизни так не пугалась! Тебя нигде не было. Я ничего не вижу, шарю вокруг, а тебя нет; зову тебя, а ты не откликаешься.

– Прости меня.

– И тут я запаниковала, решила, что ты утонул. Или тонешь, а я ничем не могу помочь. Я заметалась в воде то туда, то сюда и случайно наткнулась на тебя... И как только я к тебе прикоснулась, и все стало хорошо... хоть ты и не подавал признаков жизни. Но я проверила, сердце у тебя билось сильно и ровно, значит в конце концов все должно было обойтись. Тогда я перевернула тебя на спину и приподняла тебе голову над водой. Ты долго не приходил в себя, но теперь все в полном порядке.

– Нет, ты не запаниковала, иначе я бы давно утонул. А ты сделала то, что удалось бы немногим.

– Ничего особенного: два летних сезона подряд я работала спасателем на пляже к северу от Копенгагена, а по пятницам даже проводила инструктаж. Обучила множество девчонок и мальчишек.

– Не терять головы в кромешной тьме – этому не научишься. Так что не скромничай. А что с кораблем? И с айсбергом?

– Алек, я же говорю – не знаю. Я огляделась только после того, как нашла тебя, убедилась, что ты жив, и потащила тебя за собой, как на буксире. Все уже было так, как сейчас. Одна черная пустота.

– Может быть, корабль затонул? Ведь удар был хоть и один, но очень сильный. А не было ли взрыва? Ты ничего не слышала?

– Никакого взрыва я не слышала. Только свист ветра и грохот – ну, ты это тоже слышал, – а потом какие-то крики, но уже после того, как мы упали за борт. Если корабль и потонул, то я этого не видела. Алек, последние полчаса у меня под головой не то подушка, не то матрас. Может быть, корабль действительно пошел ко дну, и это обломок кораблекрушения?

– Не обязательно. Но особой радости не вызывает. А зачем тебе эта штука?

– Она может пригодиться. Если это подушка или подстилка с шезлонга на палубе, то они набиты капоком и послужат своего рода спасательным средством.

– Вот и я о том же. Если это спасательная подушка, то почему она только под головой? На нее лучше залезть.

– Для этого мне придется тебя отпустить.

– Маргрета, когда мы выпутаемся из этой истории, будь так добра, дай мне хорошего пинка. Ну вот, похоже, я уже совсем пришел в себя; давай-ка проверим, что ты нашла. Методом Брайля.

– Хорошо. Но я не хочу отпускать тебя в такой темноте.

– Любимая, я не меньше тебя заинтересован в том, чтобы не потеряться. О'кей! Сделаем так: держись за меня одной рукой, а другую закинь назад и покрепче ухватись за подушку, или как ее там... Я же повернусь и, не отпуская тебя, попробую по твоей руке дотянуться до подушки. А потом посмотрим, то есть пощупаем то, что нам досталось, и решим, как с ним поступить.

Это оказалось не подушкой и даже не подстилкой; это был (как удалось выяснить на ощупь) матрасик для солнечных ванн, примерно футов шесть в ширину и немного больше в длину. На нем вполне хватало места для двоих – и даже для троих, если они хорошо знакомы. Да, это почти так же великолепно, как если бы нам подвернулась спасательная шлюпка. Нет, даже лучше! Плавающий матрас в придачу к Маргрете! Я вспомнил малопрстойный стишок, который украдкой декламировали семинаристы: «Если чашу красotka наполнит вином и возляжет со мной на ковре травяном...»

Взобраться на матрас, верткий, как червяк на крючке, да еще в ночь, что чернее угольной кучи, не просто трудно – невозможно. Однако же мы совершили невозможное: я обеими руками вцепился в матрас, а Маргрета медленно соскользнула с меня на него. Потом она помогла мне, пока я дюйм за дюймом заползал на прогибающуюся поверхность.

Я неловко оперся на локоть, слетел в воду и тут же потерял матрас из виду. Пришлось, ориентируясь на голос Маргреты, снова добраться до матраса и медленно, с превеликой осторожностью карабкаться на него.

Опытным путем мы обнаружили, как лучше всего использовать пространство и удобства, предоставляемые матрасом: надо улечься рядом навзничь, распластавшись, подобно морской звезде, то есть широко раскинуть руки и ноги, как человек с рисунка Леонардо да Винчи, чтобы занять как можно большую площадь.

– Ты как, родная? – спросил я.

– Все в полном порядке.

– Чего-нибудь хочешь?

– Ничего. Кроме того, что у нас уже есть. Мне удобно, я отдыхаю, и ты со мной.

– Присоединяюсь. Но чего бы ты хотела, если бы можно было получить все что угодно.

– Что ж... Горячий пломбир.

Я обдумал эту идею.

– Нет. Шоколадный пломбир с зефирным кремом и коктейльной вишенкой. И чашку кофе.

– Чашку шоколада. Но я настаиваю на горячем пломбуре. Я полюбила его, когда была в Америке. Мы, датчане, готовим множество всяких десертов с мороженым, но заливать мороженое горячим шоколадным соусом нам в голову еще не приходило. Горячий пломбир. И лучше сразу двойную порцию.

– Договорились! Плачу за двойную порцию, раз тебе так хочется. Пойду на риск, я ведь заядлый игрок... А ты спасла мне жизнь.

Она ласково погладила меня по руке:

– Алек, ты смешной... и я счастлива. Как думаешь, мы выберемся отсюда живыми?

– Не знаю, родная. Парадокс жизни в том и заключается, что из нее практически никто не выбирается живым. Но твердо обещаю одно: я сделаю все, что в моих силах, чтобы раздобыть для тебя горячий пломбир.

Нас разбудил свет дня. Да, я заснул, и Маргрета тоже. Когда я проснулся, она еще спала, тихонько посапывая. Я лежал тихо, пока не увидел, как она открывает глаза. Я не думал, что смогу заснуть, но не удивляюсь (теперь), что нам это удалось, – отличная постель, полная тишина, чудесная температура воздуха, усталость... и абсолютное отсутствие каких-либо причин для незамедлительного беспокойства, ибо решить наши проблемы мы не могли – во всяком случае, до рассвета. По-моему, я заснул с мыслью, что Маргрета права: горячий пломбир лучше шоколадного с зефирным кремом. Помню, что мне приснился псевдокошмарный сон, в котором я зачерпывал щедрую порцию пломбира, подносил ложку ко рту... и обнаруживал, что она пуста. Наверное, от этого я и проснулся.

Маргрета повернулась ко мне и улыбнулась; она выглядела лет на шестнадцать, и вид у нее был самый ангельский («...как двойни молодой серны. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе...»).

– Доброе утро, красавица.

Она хихикнула:

– Доброе утро, прекрасный принц! Хорошо ли почивали?

– Если по правде, Маргрета, то я уже месяц так хорошо не спал. Странно. И все, что мне нужно сейчас, так это завтрак в постель.

– Сию минуту, сэр. Бегу!

– Вас понял. Не следовало мне упоминать еду. Пожалуй, удовольствуюсь поцелуем. Как думаешь, мы сумеем поцеловаться и при этом не свалиться в воду?

– Сумеем. Но будем осторожны. Поверни голову ко мне, но не вздумай поворачиваться всем телом.

Поцелуй получился скорее символическим, чем одним из сногшибательных трюков, которые так удавались Маргрете. Мы оба приняли все меры, чтобы не нарушить драгоценное равновесие импровизированного спасательного плота. Нас – во всяком случае, меня – волновало нечто большее, чем просто падение в океан.

Я решил, что о предмете моего беспокойства необходимо упомянуть, поскольку он заслуживает тщательного совместного рассмотрения и всестороннего обсуждения.

– Маргрета, судя по карте, что висела на стене у салона, мексиканское побережье и Масатлан находятся где-то к востоку от нас. В котором часу затонуло наше судно? Если, конечно, оно затонуло. То есть в котором часу произошло столкновение?

– Понятия не имею.

– И я – тоже. Наверняка известно одно: это случилось после полуночи. «Конунг Кнут» должен был прибыть в порт в восемь утра. Так что берег предположительно где-то в ста милях к востоку. А может, и ближе. Горы должны быть вон там. Когда туманная дымка рассеется, может быть, мы их увидим. Так было вчера, значит есть вероятность, что они покажутся и сегодня. Любимая, как у тебя с плаванием на дальние дистанции? Если увидим горы, то не рискнуть ли нам?

– Алек, если ты настаиваешь, можно попытаться счастья.

– Это не совсем то, о чем я спрашиваю.

– Верно. В теплой воде я проплыву, сколько понадобится. Как-то раз я переплыла Большой Бельт, а вода там похолоднее. Но, Алек, в Бельте нет акул. А здесь они есть. Я своими глазами видела.

Я тяжело вздохнул:

– Рад, что ты заговорила об акулах сама: мне не хотелось упоминать о них первым. Родная, придется торчать тут, да еще и не рыпаться, чтоб не привлекать к себе внимания. Утренний завтрак я готов пропустить, особенно если это завтрак для акул.

– От голода быстро не умирают.

– Мы не умрем от голода. А если бы ты могла выбирать, на чем бы ты остановилась? Смерть от солнечных ожогов? Голодная смерть? В акулей пасти? От жажды? В робинзонадах и в романах о потерпевших кораблекрушение героям всегда есть чем заняться, а у меня нет даже зубочистки. Поправка: у меня есть ты, а это все меняет. Маргрета, как ты думаешь, что с нами будет?

– По-моему, нас подберут.

Я думал точно так же, но по ряду соображений не хотел говорить Маргрете об этом.

– Рад слышать, что ты так считаешь. А почему ты в этом уверена?

– Алек, ты бывал в Масатлане?

– Нет.

– Это рыбацкий порт, где собираются как промысловые рыболовецкие суда, так и рыболовы-любители. С рассветом сотни лодок и кораблей выходят в океан. Самые большие и быстрые уплывают на сотни километров от берега. Если подождать, нас обязательно найдут.

– Точнее, могут найти. Океан, знаешь ли, довольно большая штука. Но ты права. Плыть к берегу – самоубийство. Лучше уж остаться тут.

– Алек, нас будут искать.

– Будут? Почему?

– Если «Конунг Кнут» не затонул, то капитан знает, где и когда мы упали за борт. Как только судно придет в порт – если уже не пришло, – он потребует немедленно начать поиски. А если корабль затонул, то обыщут весь район.

– Звучит логично. – (Правда, у меня была другая идея и совсем не такая логичная.)

– Наша задача – остаться в живых до того, как нас найдут, по возможности избежав акул, жажды и солнечных ожогов. А значит, надо двигаться как можно меньше. Лежать неподвижно, и только лежать. А когда солнце поднимется выше, чаще поворачиваться с боку на бок, чтобы кожа обгорала равномерно.

– И молиться о ниспослании облачной погоды. Да, все правильно. Кстати, наверное, нам лучше не разговаривать. Меньше шансов, что начнем страдать от жажды. А?

Она умолкла надолго, будто последовала моему совету, однако наконец произнесла:

– Любимый, может быть, мы не выживем.

– Знаю.

– А если нам предстоит умереть, то я предпочту умереть, слыша твой голос. И не хочу, чтоб у меня отняли право говорить, как я люблю тебя, говорить, когда хочется, а не молчать ради тщетной надежды прожить несколько лишних минут.

– Да, моя возлюбленная, да!

Несмотря на наше решение, мы говорили мало. Мне было достаточно касаться ее руки; Маргрете, как оказалось, тоже.

Спустя долгое время – часа три, по моим расчетам, – она ахнула.

– Что случилось?

– Алек! Смотри!

Она показала пальцем. Я взглянул.

Я тоже чуть не ахнул, но сдержался, потому что был к этому готов: высоко над нами летело нечто в форме креста, чем-то похожее на планирующую птицу, только гораздо крупнее и явно искусственного происхождения. Летательная машина...

Я-то знал, что летательных машин быть не может. В инженерном колледже мы изучали знаменитое математическое доказательство профессора Саймона Ньюкома, что попытки профессора Лэнгли и других построить аэродин, аппарат тяжелее воздуха, который сможет нести человека, обречены на неудачу и бесполезны. Ведь согласно теории масштабов, машина столь крупная, чтобы поднять человека, должна еще нести и мотор, достаточно мощный, чтобы оторвать ее от земли, а уж о пассажире и говорить нечего.

Это было последнее слово науки, разоблачившее явную глупость и полностью прекратившее попытки тратить общественные средства на подобные эфемерные идеи. Деньги, ассигнованные на научные и опытные разработки, пошли на воздухоплавание, то есть куда следовало, что дало великолепный результат.

Однако за последние несколько дней я приобрел иную точку зрения на «невозможное». И когда невероятная летательная машина появилась в небе, я как-то не слишком удивился.

По-моему, Маргрета перевела дух, только когда машина, пролетев над нами, устремилась к горизонту. Я тоже затаил было дыхание, но заставил себя дышать ровно. Машина была прекрасна – серебристая, изящная и стремительная. Я не мог определить ее величину, но если черные точки на ней – окна, она была огромной.

Я не понимал, как она движется.

– Алек, это воздухоплавательный корабль?

– Нет. Во всяком случае, это не то, что я имел в виду, говоря о воздухоплавательных кораблях. Я назвал бы это летательной машиной. Могу сказать только одно: таких я никогда не видел. Но знаешь, я должен сообщить тебе одну вещь, очень-очень важную.

– Да?

- Мы не умрем... И теперь я знаю, почему затонул корабль.
- Почему, Алек?
- Чтобы помешать мне сверить отпечатки пальцев.

9

*Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть;
жаждал, и вы напоили Меня;
был странником, и вы приняли Меня.
Евангелие от Матфея, 25: 35*

– Или, говоря точнее, айсберг появился в том месте и столкнулся с кораблем для того, чтобы не дать мне сверить свой отпечаток пальца с отпечатком на водительском удостоверении Грэхема. Возможно, корабль не затонул, поскольку в этом не было необходимости.

Маргрета ничего не ответила.

Поэтому я мягко сказал:

– Давай, дорогая, говори, что хочешь. Облегчи душу, я не возражаю. Ну, я – псих! Параноик.

– Алек, я этого не говорила. И не думала. И не собираюсь говорить.

– Да, не говорила. Но на сей раз то, что со мной произошло, невозможно объяснить «потерей памяти». Разумеется, если мы с тобой видели одно и то же. Что видела ты?

– Что-то непонятное в небе. И не только видела, но и слышала. Ты сказал мне, что это летательный аппарат.

– Ну-у, я только предполагаю, что он так называется, но ты, если хочешь, можешь называть его хоть э-э-э... драндулетом, мне все едино. Нечто новое и незнакомое. Так каков же этот драндулет? Опиши его.

– Что-то двигалось по небу. Появилось вон оттуда, потом пролетело почти над нами и исчезло вон там. – (Указанное ею направление я определил как север.) – По форме оно напоминало крест, распятие. На перекладине креста виднелись выступы – по-моему, четыре. Спереди что-то вроде глаз, как у кита, а на заднем конце нечто напоминающее хвостовой плавник. Алек, больше всего это походила на крылатого кита – на кита, летящего по небу.

– Ты решила, что это живое существо?

– Хм... не знаю. Нет, не думаю. Впрочем, не знаю, что и думать.

– По-моему, это не живое существо, а машина. Летательная машина. Лодка с крыльями. Но что бы там ни было, машина или летающий кит, ты хоть когда-нибудь видела нечто похожее?

– Алек, эта такая странная штука, что даже не верится, будто она на самом деле существует.

– Понимаю. Но ты увидела ее первой и указала мне на нее, значит я не хитрил и не убеждал тебя в том, что ты ее видишь.

– Ты никогда бы такого не сделал!

– Верно, не сделал бы. Но я, любимая, все же рад, что ты увидела ее первой. Значит, она реально существует, а не является порождением кошмара, зародившегося в моем горячем уме. Однако в том мире, к которому ты привыкла, подобной машины не существует. И поверь, она не из тех воздухоплавательных кораблей, о которых я рассказывал. Этот аппарат не из того мира, где вырос я. Значит, мы попали в какой-то третий мир. – Я вздохнул. – В первый раз убедительным доказательством моего пребывания в чужом мире стал океанский лайнер водоизмещением в двадцать тысяч тонн. А сейчас при виде того, что никак не может существовать в моем мире, я понял: они снова взялись за свое. Миры поменяли в тот момент, когда я потерял сознание, – наверняка именно тогда. Как бы то ни было, по-моему, это сделано для того, чтобы помешать мне сверить отпечатки пальцев. Паранойя! Бредовое представление, что Вселенная

вступила против меня в заговор. Только это не бред. – Я внимательно следил за выражением глаз Маргреты. – Ну, что скажешь?

– Алек... А не могло случиться, что нам обоим просто привиделась эта штука? Может, мы оба бредим? Мы с тобой измотаны до предела, а ты еще и головой ударился. Меня тоже наверняка обо что-то стукнуло, когда корабль налетел на айсберг.

– Маргрета... но и в таком случае нас не могла посетить одна и та же бредовая галлюцинация. Вот если ты проснешься и обнаружишь, что я исчез, то это многое объяснит. Но пока ведь я не исчез – вот он я. И кстати, откуда бы взяться айсбергу в тропических широтах? Нет уж! Параноидное расстройство – куда более подходящее объяснение! Причем заговор направлен именно против меня. А тебе, увы, не повезло, ты случайно вляпалась в эту историю. О чем я очень сожалею. – (На самом деле я несколько не сожалел. Мало радости в одиночку оказаться на плоту посреди океана, а вместе с Маргретой «я не стану и думать о рае ином».)

– А по-моему, один и тот же сон... Алек, вон она, опять... – Маргрета указала в небо.

Сначала я ничего не увидел. Но тут крохотная точка вдали постепенно начала обретать форму креста, ту самую, которую я теперь соотносил с летательной машиной. Я наблюдал, как она растет.

– Маргрета, должно быть, она вернулась. Может быть, она нас заметила? Или, вернее, они нас заметили. Или он. Ну, кто-то там.

– Все может быть.

Когда машина приблизилась, я сообразил, что она пролетит не прямо над нами, а правее. Внезапно Маргрета воскликнула:

– Это не та же самая! Они разные.

– Да, это не летающий кит. Хотя вполне возможно, что у здешних летающих китов широкие красные полосы на боках.

– Это не кит. То есть это не живое существо. Ты прав, Алек, это машина. Дорогой, ты в самом деле считаешь, что в ней сидят люди? Мне страшно это представить.

– Если бы в ней никого не оказалось, я бы испугался больше. – (Я припомнил фантастический рассказ, переведенный с немецкого, о мире, населенном одними машинами, – довольно неприятная история.) – Но это превосходная новость! Теперь мы оба знаем, что увиденное нами – не сон и не галлюцинация. А это, в свою очередь, свидетельствует, что мы попали в другой мир. Стало быть, нас обязательно спасут.

– Не вижу логики, – с сомнением произнесла Маргрета.

– Просто тебе очень не хочется называть меня параноиком, за что я тебе премного благодарен, дорогая. Но мое параноидное расстройство – самое простое и логичное предположение. Если шутник, который все это подстроил, действительно жаждет моей смерти, то он упустил великолепный шанс во время столкновения с айсбергом. Или еще раньше, в пылающей яме. Следовательно, он не намерен меня убивать, во всяком случае сейчас. Он играет со мной, как кошка с мышью. Значит, меня спасут. И тебя – тоже, ибо мы вместе. Когда корабль столкнулся с айсбергом, ты была со мной, тут тебе не повезло. Но ты все еще со мной, и, значит, тебя тоже спасут – а это уже везение. Не противься, родная. У меня было время к этому привыкнуть. Оказывается, если внутренне расслабиться, все будет в порядке. Паранойя – единственный рациональный подход к миру, который плетет против нас интриги.

– Но, Алек, мир не должен быть таким.

– Понятие «должен» к миру неприменимо, любимая. Суть философии состоит в том, чтобы принимать Вселенную такой, какая она есть, а не в том, чтобы насильно втискивать ее в какие-то выдуманные рамки, – сказал я. – Ой, не перекачивайся на бок! Или тебе хочется угодить в акулю пасть именно сейчас, когда у нас есть все основания полагать, что нас вот-вот спасут?

В течение ближайшего часа или около того ничего не произошло, если не считать появления двух величественных рыб-парусников. Дымка над океаном растаяла, и я нетерпеливо ждал спасения. Причем скорейшего – уж его-то я точно заслужил. И желательно до того, как я получу ожоги третьей степени. Маргрета могла пробыть на солнце немного дольше: она хоть и блондинка, но с головы до ног была покрыта чудесным загаром золотистого цвета подрумяненной корочки – дивное зрелище! А вот я, за исключением рук и лица, был бледнее лягушачьего брюха, так что длительное пребывание на тропическом солнце грозило, как минимум, больницей.

В восточной части горизонта появились какие-то сероватые очертания – наверное, горы, с надеждой думал я, однако мало что удастся хорошенько рассмотреть, если точка обзора приподнята всего лишь дюймов на семь над поверхностью океана. Если это и впрямь горы или холмы, значит до земли не так уж и далеко. В любую минуту могут появиться рыбацкие суда из Масатлана... если, конечно, Масатлан в этом мире существует. Если...

Тут мы увидели еще одну летательную машину.

Она лишь отдаленно напоминала первые две. Те двигались почти параллельно берегу – первая с юга, вторая с севера. Эта же шла прямо от берега в западном направлении, к тому же выделялась какие-то зигзаги.

Она пролетела севернее нас, потом повернула обратно и принялась кружить у нас над головой. Она спустилась достаточно низко, и я разобрал, что в ней действительно сидят люди. Двое.

Внешний вид машины описать нелегко. Прежде всего вообразите огромный коробчатый воздушный змей, примерно сорока футов в длину, четырех – в ширину и с расстоянием между плоскостями около трех футов.

Теперь представьте себе, что эта коробка укреплена под прямым углом на лодке, несколько напоминающей эскимосский каяк, только больше, гораздо больше – примерно такой величины, как сама коробка воздушного змея.

Еще ниже находились два меньших каяка, параллельных главному корпусу лодки.

В одном конце каяка находился двигатель (это я узнал потом), а впереди был укреплен пропеллер, похожий на пароходный винт (и это я тоже увидел позже). Когда я впервые столкнулся с этим невероятным сооружением, воздушный винт крутился с такой скоростью, что его нельзя было рассмотреть. Зато слышать – сколько угодно! Это приспособление непрерывно издавало оглушительный шум.

Машина развернулась в нашу сторону и наклонила нос так, будто хотела в нас врезаться – точно пеликан, несущийся вниз, чтобы схватить рыбу.

А рыба – это мы. Стало страшно. Во всяком случае, мне. Маргрета даже не пискнула, только изо всех сил сжала мне пальцы. То, что мы все же не рыбешки и что машина не намерена нас глотать, ничуть не делало ее приближение менее устрашающим.

Несмотря на испуг (а может быть, именно из-за него), я сообразил, что летательный аппарат по крайней мере вдвое больше, чем казалось с первого взгляда. За окном в передней части машины виднелись два водителя, бок о бок друг с другом. Теперь стало заметно, что и двигателей тоже два и что установлены они между крыльями коробчатого змея: один – справа от водителей, другой – слева.

В самый последний момент машина вздыбилась как лошадь, берущая барьер, и лишь чудом не задела нас. Поднятый ею порыв ветра едва не сбросил нас с плота, а от грохота зазвенело в ушах.

Машина поднялась повыше, описала дугу в нашем направлении и снова скользнула вниз, но уже не прямо на нас. Два нижних каяка коснулись воды, подняв фонтаны брызг, похожие на сверкающий хвост кометы. Машина замедлила ход и наконец замерла, покачиваясь на воде и не думая тонуть.

Воздушные винты по-прежнему вращались, но очень медленно. Я видел их впервые... и поразились оригинальности создавшей их инженерной мысли. Возможно, они менее эффективны, чем туннельные воздушные винты, используемые на наших дирижаблях, но все равно это очень элегантное решение проблемы в условиях, когда туннельный двигатель применить затруднительно, а может быть, и просто невозможно.

Но эти моторы, воющие как грешники в аду! И как мало-мальски опытный инженер мог с ними смириться – просто ума не приложу. Как говаривал один из моих профессоров (это было еще до того, как термодинамика подтолкнула меня к духовной стезе), шум есть побочный продукт нерационального изобретения. Хорошо сконструированный двигатель нем как могила.

Машина развернулась и направилась к нам, только теперь очень медленно. Водители ловко провели ее в нескольких футах от нас, почти остановившись. Один из них вылез и левой рукой ухватился за одну из распорок, соединявших плоскости коробчатых крыльев. В другой руке он держал бухту каната.

Когда летательная машина поравнялась с нами, он бросил нам конец. Я поймал канат, крепко схватил обеими руками и не упал в воду только потому, что Маргрета вцепилась в меня изо всех сил.

Я передал конец Маргрете:

– Пусть они тебя втянут. А я поплыву за тобой.

– Нет!

– Как это так – нет? Не упрямься. Делай как сказано!

– Алек, помолчи. Он пытается нам что-то объяснить.

Я заткнулся, обиженный до глубины души. Маргрета внимательно вслушивалась. Мне-то слушать смысла не было: мой испанский ограничивался «gracias» и «por favor»¹³. Зато я прочел надпись на борту машины: «El Guardacostas Real de Mexico»¹⁴.

– Алек, он предупреждает, чтоб мы были предельно осторожны. Тут акулы.

– Ой!

– Да. Так что мы останемся на матрасе, а нас остороженько подтянут к летательной машине, причем так, чтобы не окунуть.

– Вот человек, который мне воистину по душе!

Мы испытали предложенный способ – но ничего не вышло. Ветер посвежел, и это куда больше мешало летательной машине, чем нам; промокший набивной матрас стал так тяжел, что ни о какой парусности речи не шло. Вместо того чтобы выбирать канат, нашему спасателю приходилось его травить, иначе нас бы просто сволокло с матраса в воду.

Он что-то крикнул, Маргрета ответила. Переключка продолжалась некоторое время. Наконец Маргрета повернулась ко мне:

– Он просит, чтобы мы отпустили конец. Они отплывут, а потом вернутся, но на этот раз машина пойдет прямо на наш плот, только очень медленно. А как приблизятся вплотную, мы попробуем влезть в *aeroplano*. Так называется машина.

– Хорошо.

Машина отплыла подальше и, заложив дугу, снова направилась к нам. Тем временем мы не скучали, любуясь акульим спинным плавником, что возник совсем рядом с нами. Акула пока набрасываться не собиралась – видно, еще не сообразила – было бы чем, – годимся ли мы ей на закуску. Да и вообще, ей была видна только нижняя сторона матраса.

Летательная машина двинулась прямо на нас, словно какая-то чудовищная стрекоза, зависшая над самой поверхностью океана. Я сказал:

¹³ Спасибо... прошу вас (*исп.*).

¹⁴ Береговая охрана Мексиканского королевства (*исп.*).

– Дорогая, как только она приблизится, хватайся за ближайшую распорку. Я тебя подсажу и сам заберусь следом.

– Нет, Алек.

– Что значит нет?

Я рассердился. Маргрета – великолепный товарищ, и вдруг такое упрямство. Да еще в такую минуту!

– Ты не сможешь меня подсадить, тебе не на что опереться. И встать не сможешь, тут сесть и то нельзя. Я скачусь с матраса налево, ты – направо. Если кто-то из нас промахнется – тут же обратно на матрас. *Aeroplano* сделает еще один заход.

– Но...

– Так он велел.

Времени терять было нельзя: машина уже почти наехала на нас. Ее растопыренные «ноги» – вернее, распорки, соединяющие нижние каяки с основным телом машины, – двигались по обе стороны матраса, едва не задевая меня и Маргрету.

– Давай! – крикнула она.

Я соскользнул вбок и вцепился в распорку. Руку чуть не выдернуло из плечевого сустава, но я по-обезьяньи вскарабкался на перекладину, обеими руками ухватился за что-то на днище, уперся ногой в нижний каяк и повернул голову.

Кто-то протянул руку Маргрете, втянул ее на коробчатое крыло – и вдруг она исчезла. Я полуобернулся, намереваясь залезть повыше, и внезапно буквально взлетел на крыло. Вообще-то, я летать не умею, но обрел неожиданную способность к левитации по веской причине: прямо у моих ног взрезал воду белесый плавник – слишком большой для благонаправной рыбины.

Я оказался рядом с крохотной клетушкой, в которой сидели водители странной машины. Второй – не тот, который вылезал нам помогать, – выглянул из окна, улыбнулся, протянул руку и открыл дверцу. Я забрался вовнутрь, головой вперед; Маргрета уже была там.

Внутри было четыре сиденья: два водительских – впереди, два сзади – для нас.

Водитель передо мной повернулся и что-то сказал, продолжая – я заметил это! – пялиться на Маргрету. Конечно, она была голая, но ведь не по своей вине, и настоящий джентльмен на его месте так не поступил бы.

– Он просит нас застегнуть ремни, – объяснила Маргрета. – Наверно, он имеет в виду вот эти. – Она показала на пряжку ремня, одним концом прикрепленного к корпусу машины.

Оказалось, что я сижу на такой же пряжке, которая уже преобильно впечаталась в мою обожженную солнцем задницу. До сих пор я не замечал боли – мое внимание отвлекали другие вещи.

(Ну что он тарашит свои бесстыжие глаза? Еще миг – и я прикрикну на этого нахала. В эту минуту я даже не вспомнил, что совсем недавно он, рискуя жизнью, спас меня и Маргрету; я взбесился от того, как нагло он пользуется беспомощностью дамы.)

Пришлось вернуться к изучению дурацкого ремня, на время забыв о боли. Водитель что-то сказал своему напарнику, а тот начал горячо возражать. Потом в их разговор вмешалась Маргрета.

– О чем они? – спросил я.

– Бедняга хочет отдать мне свою рубашку. А я отказываюсь... но не очень решительно... а так, чтоб оставить ему возможность настоять на своем. Это очень мило с его стороны, дорогой. И хоть я не придаю подобным вещам большого значения, все же чувствую себя среди посторонних лучше, когда на мне что-то надето. – Она прислушалась и добавила: – Они спорят между собой, кому достанется эта честь.

Я промолчал. И мысленно принес ему извинения. Наверняка даже папа римский украдкой поглядывает на женщин.

В споре победил тот, кто сидел справа. Он повозился на кресле, так как встать не мог, снял рубашку и передал ее Маргрете.

– *Señorita, por favor.*

Он добавил что-то еще, но это оказалось за пределами моих познаний в испанском.

Маргрета ответила с достоинством и изяществом и продолжала болтать с ними, пока натягивала рубашку, которая более или менее прикрывала ее наготу.

– Дорогой, командир – *teniente*¹⁵ Анибал Санс Гарсиа – и его помощник – *sargento*¹⁶ Роберто Домингес Джонс – оба из береговой охраны мексиканского королевства, хотели отдать мне свои рубашки, но сержант победил в игре «чет-нечет», и я получила его рубашку.

– В высшей степени благородный поступок. Спроси его, нет ли в этой машине чего-нибудь, что можно было бы надеть на меня.

– Попробую. – Она произнесла несколько фраз, я разобрал свое имя. Потом она снова перешла на английский: – Джентльмены, я имею честь представить вам моего мужа, сеньора Александро Грэхема Хергенхаймера, – и опять затараторила по-испански.

Ответ прозвучал тут же:

– Лейтенант очень сожалеет, но он вынужден сказать, что у них нет ничего, что можно было бы предложить тебе. Однако он клянется честью матери, что, как только мы доберемся до Масатлана и тамошнего офиса береговой охраны, тебе что-нибудь обязательно подберут. А теперь лейтенант просит нас обоих пристегнуть ремни и затянуть их как можно туже, так как нам предстоит взлет. Алек, мне страшно.

– Не бойся. Я буду держать тебя за руку.

Сержант Домингес опять обернулся и протянул фляжку:

– *Aqua?*¹⁷

– Боже мой, конечно! – вскричала Маргрета. – *Si! Si! Si!*

Никогда еще вода не казалась мне такой вкусной.

Лейтенант оглянулся, взял у нас фляжку, широко улыбнулся и показал большой палец – жест, восходящий еще ко временам Колизея, – потом сделал что-то, заставившее моторы его машины заработать в более быстром темпе. Только что они работали медленно-медленно. И вдруг раздался страшный грохот. Машина развернулась, и лейтенант направил ее навстречу ветру, который свежел с самого утра и теперь уже взбил в пену верхушки волн. Моторы заработали напряженней, будто в припадке неодолимой ярости, и летательная машина, сотрясаясь всем корпусом, скачками понеслась по воде.

Затем мы стали с невероятной силой ударяться примерно о каждую десятую волну. Не знаю почему, но машина все-таки не развалилась.

И вдруг мы оказались в двадцати футах над поверхностью океана. Скачки прекратились, но вибрация и рев не утихали. Мы резко набрали высоту, потом повернули, и машина так же резко пошла вниз. Я чуть было не расстался с несколькими драгоценными глотками воды, которыми только что наслаждался.

Прямо перед нами отвесной стеной вздыбился океан. Лейтенант повернулся к нам и что-то крикнул. Мне очень хотелось сказать ему, что лучше бы он смотрел вперед, но я промолчал.

– О чем это он?

– Просит посмотреть в том направлении, куда он показывает. Прямо туда, куда летит машина. *El tiburón blanco grande* – та самая большая белая акула, которая чуть нас не слопала.

(Я прекрасно обошелся бы и без этого.) И в самом деле, как раз в середине стены океана виднелась серая тень, режущая воду плавником. Как раз в ту минуту, когда я понял, что сейчас

¹⁵ Лейтенант (исп.).

¹⁶ Сержант (исп.).

¹⁷ Воды? (исп.)

мы неминуемо впечатаемся в чудовищную рыбину, стена воды качнулась назад, мою задницу с силой вдавило в сиденье, в ушах заревело, и лишь благодаря моей железной выдержке меня не вытошнило на наших новых знакомцев.

Машина выровнялась, и неожиданно стало почти удобно, если, конечно, позабыть о вибрации и реве.

И все же воздухоплавательные корабли куда приятнее.

Как только мы поднялись в воздух, стали хорошо видны далекие горные вершины, которые почти невозможно было разглядеть с нашего импровизированного плота, и побережье с великолепными пляжами, за которыми раскинулся город, куда мы и направлялись. Сержант обернулся и что-то сказал, указывая на город.

– О чем он?

– Сержант Роберто говорит, что будем дома как раз к ланчу. *Almuerzo*, сказал он, но заметил, что для нас это будет завтрак – *desayuno*.

Мой желудок вдруг стал проявлять признаки жизни.

– Не важно, как он там называется. Ты их предупреди, что быка можно и не жарить. Я его живьем съем.

Маргрета перевела. Наши новые знакомые расхохотались, и лейтенант повел машину на снижение. Он посадил ее на воду, то и дело оглядываясь на Маргрету и не прекращая болтать с ней, а та мило улыбалась ему, хотя ее ногти больно вонзались мне в правую ладонь.

Мы долетели. Никто не пострадал. Но все равно воздушные корабли гораздо лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.